

Владимир Дуров

Мои звери

Annotation

Автор книги — знаменитый дрессировщик Владимир Леонидович Дуров (1863–1934) рассказывает о своих воспитанниках — зверях и птицах. Будучи не только профессиональным дрессировщиком, но и учёным, он внимательно изучал повадки животных, их поведение и нравы. Его наблюдения легли затем в основу интересной науки — зоопсихологии.

Кроме того, Владимир Дуров был непревзойдённым клоуном-сатириком, который высмеивал со сцены балаганов, цирков и театров людские пороки. При этом он гордо называл себя «королём шутов, но не шутом королей». С помощью своих зверьков, которых Дуров очень любил, он говорил «о великой человеческой несправедливости». Его удивительные рассказы — и грустные, и весёлые — перед вами.

-
- [В.Л. Дуров](#)
 - [Дорогие юные читатели!](#)
 - [НАША ЖУЧКА](#)
 - [ЧУШКА — ФИНТИФЛЮШКА](#)
 - [ХРЮШКА-ПАРАШЮТИСТ](#)
 - [СЛОН БЭБИ](#)
 - [МОРСКИЕ ЛЬВЫ ЛЕО, ПИЦЦИ И ВАСЬКА](#)
 - [КАШТАНКА, БИШКА И ЗАПЯТАЙКА](#)
 - [У ТОПТЫГИНА В ЛАПАХ](#)
 - [БОРЬКА И СУРКА](#)
 - [ЕЖИ РУКАВИЦА И КАТУШКА](#)
 - [ОБЕЗЬЯНА МИМУС](#)
 - [ВОРОНЫ-АРТИСТКИ](#)
 - [ЖУРАВЛИ-ТАНЦОРЫ И КУРИЦА-БОСОНОЖКА](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

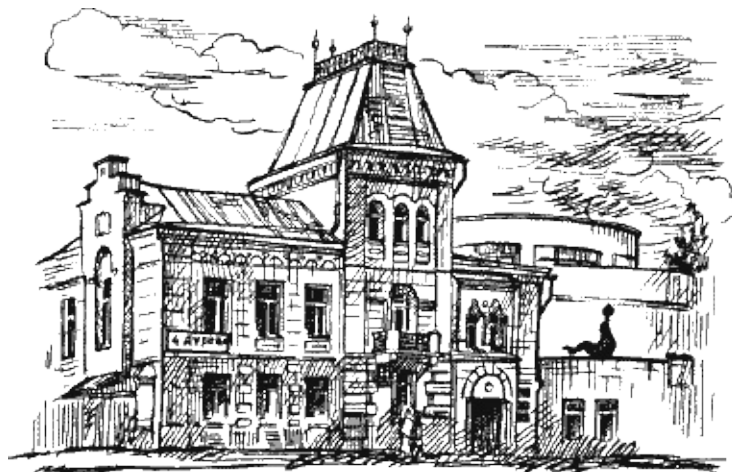
[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

В.Л. Дуров

Мои звери

«Моя жизнь вся целиком прошла бок о бок с животными. Горе и радость делил я с ними пополам, и привязанность зверей вознаграждала меня за все человеческие несправедливости...»

Я видел, как богачи высасывают все соки из бедняков, как богатые, сильные люди держат более слабых и тёмных братьев в рабстве и мешают им сознавать свои права и силу. И тогда я, при помощи моих зверьков, в балаганах, цирках и театрах говорил о великой человеческой несправедливости...»

В. Л. Дуров (из воспоминаний)

Дорогие юные читатели!

В Москве много театров. Но самый диковинный театр — это, пожалуй, тот, который находится на улице Дурова. Ежедневно здесь собираются дети со всех концов Москвы. Многие приезжают даже из других городов. Ведь всем хочется побывать в этом необыкновенном театре!

Что же в нём удивительного? Есть фойе, зрительный зал, сцена, занавес... Всё как обычно. Но выступают здесь на сцене не люди, а... звери. Этот театр зверей создал заслуженный артист РСФСР Владимир Леонидович Дуров.

С самых ранних лет, когда Володя Дуров был ещё мальчиком, его тянуло к зверям и птицам. В детстве он уже возился с голубями, собаками и другими животными. Он тогда уже мечтал о цирке, потому что в цирке показывают дрессированных животных.

Когда Володя немного подрос, он убежал из дома и поступил в балаган к известному в те годы циркачу Ринальдо.

И вот юноша Дуров начал работать в цирке. Он там завёл козла Василия Васильевича, гуся Сократа, собаку Бишку. Он их дрессировал, то есть учил проделывать разные номера на арене.

Обычно дрессировщики применяли болевой способ: они палкой и побоями старались добиться от животного послушания.

А Владимир Дуров отказался от такого способа дрессировки. Он первый в истории цирка стал применять новый способ — способ дрессировки не побоями и палкой, а лаской, хорошим обращением, лакомством, поощрением. Он зверей не мучил, а терпеливо приучал к себе. Он любил зверей, и звери привязывались к нему и слушались его.

Скоро публика полюбила молодого дрессировщика. Он своим способом добивался гораздо большего, чем прежние дрессировщики. Он придумал много очень интересных номеров.

Дуров выходил на арену в ярком, пестром костюме клоуна.

Раньше, до него, клоуны работали молча. Они смешили публику, давая друг другу затрещины, прыгали и кувыркались.

Дуров первый из клоунов заговорил с арены. Он бичевал царские порядки, высмеивал купцов, чиновников и дворян. За это полиция преследовала его. Но Дуров смело продолжал свои выступления. Он гордо называл себя «народным шутом».

Цирк всегда был полон, когда выступал Дуров со своей звериной труппой.

Особенно Дурова полюбили дети.

В. Л. Дуров исколесил всю Россию, выступая в различных цирках и балаганах.

Но Дуров был не только дрессировщиком — он был еще и учёным. Он внимательно изучал зверей, их поведение, нравы, повадки. Он занимался наукой, которая называется зоопсихологией, и написал даже об этом толстую книгу, которая очень понравилась великому русскому учёному академику Ивану Петровичу Павлову.

Постепенно Дуров приобретал всё новых и новых животных. Звериная школа разрасталась.

«Вот бы построить специальный дом для зверей! — мечтал Дуров. — Им было бы там просторно, удобно жить. Там можно было бы спокойно изучать зверей, вести научную работу, приучать животных к выступлениям».

В. Л. Дуров мечтал о театре небывалом и фантастическом — театре зверей, где под девизом «Забавляй и поучай» ребёнку будут даны первые незатейливые уроки нравственного и эстетического воспитания.

Много лет прошло, пока Владимиру Леонидовичу удалось осуществить свою мечту. Он приобрел большой, красивый особняк на одной из самых старых и тихих улиц Москвы, называвшейся Божедомкой. В этом доме, расположенном среди зелени садов и аллея Екатерининского парка, он разместил своих четвероногих артистов и назвал этот дом «Уголке Дурова».

В 1927 году Моссовет в честь 50-летия артистической деятельности В. Л. Дурова переименовал улицу, где находился «Уголок», в улицу Дурова.

В 1934 году Владимир Леонидович умер.

Театр зверей, созданный дедушкой Дуровым, как звали его маленькие зрители, с каждым годом становился всё популярней. Старый зал уже не вмещал всех желающих попасть на представление, и частенько вереницы детей, стоящих у кассы, уходили в слезах, не получив билета.

Теперь «Уголок» расширен. Рядом со старым зданием вырос новый прекрасный белокаменный театр — целый городок. В «Уголке» сейчас находятся и театр зверей, и зверинец, и музей.

В музее дети могут увидеть чучела зверей, с которыми работал Владимир Леонидович Дуров. Вот учёная такса Запятайка, вот морской лев Лео, вот бурый медведь Топтыгин... Сохранилась и знаменитая дуровская железная дорога.

В зверинце живут звери, которые сейчас выступают в театре.

Представим себе, что мы хотим посмотреть на здешних удивительных жильцов. Для этого не нужно поднимать крышу или заглядывать в окна и двери. Здесь у каждого своя квартира, и сосед может переглядываться с соседом. Полукруглые вольеры, и в них необычные «артисты» — обитатели всех частей света.

В зверинце много животных. Тут и заяц-беляк, и говорящая серая ворона, и ярко-красно-синий попугай, и собака-математик, и морской лев, и тигр, и пеликаны, и много, много других зверей и птиц.

В светлом фойе театра часто устраиваются книжные выставки. Писатели, художники, композиторы встречаются здесь со своими маленькими читателями, зрителями, слушателями. Тут проходят беседы ребят с учёными, дрессировщиками.

После смерти Владимира Леонидовича Дурова ему на смену пришло новое поколение Дуровых, продолживших дело знаменитого дрессировщика.

Многие годы работала в «Уголке» Анна Владимировна Дурова-Садовская, заслуженный деятель искусств РСФСР, художественный руководитель театра.

Здесь начал свой путь в искусстве народный артист СССР Юрий Владимирович Дуров. И наконец пришла моя очередь. Бабушка, держа меня за руку, привела в «Уголок». И с тех пор я не расстаюсь с любимым театром.

Росла я, можно сказать, среди животных и видела, как отец ласково и терпеливо дрессирует их. Я тоже училась понимать повадки животных и бережно обращаться с ними.

Навсегда запомнила я слова отца и дедушки о том, что сначала надо узнать животное, все его особенности и привычки, и только после этого можно его учить какому-нибудь номеру.

В своей работе я не отступаю от дуровского метода дрессировки, исключая любое малейшее болевое воздействие. Только терпением, добротой и лаской, кропотливым трудом и знанием зоорефлексологии можно добиться, чтобы пони дарил публике свою очаровательную улыбку, а осёл искренне смеялся над неряхой, которому енот тотчас же выстирает носовой платочек...

И так номер идёт за номером. Вот заяц-беляк выбивает на барабане несколько тактов марша. Серая ворона важно кричит подруге: «Давай, давай», — соперничает талантом комментатора с попугаем Ара. Морской лев жонглирует. Мирно едят из одной кормушки лисица и петух. Кружатся в удивительном вальсе волк и козёл, а трудолюбивый медведь подметает территорию...

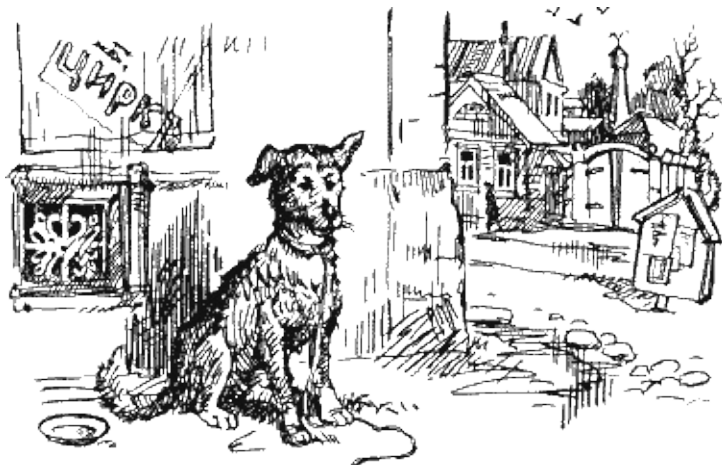
Все эти чудеса, происходящие на сцене, основаны на взаимном доверии человека и животного.

Эти слова мне хотелось предпослать книге моего дедушки Владимира Леонидовича Дурова «Мои звери», которую вы, мои юные друзья, держите сейчас в руках и которая впервые была опубликована около семидесяти лет назад.

Н. Ю. Дурова,

Народная артистка СССР и России, писательница, лауреат Государственной премии СССР, главный режиссёр и художественный руководитель Театра «Уголок дедушки Дурова».

НАША ЖУЧКА

Когда я был маленький, я учился в военной гимназии. Там, кроме всяких наук, учили нас ещё стрелять, маршировать, отдавать честь, брать на караул — всё равно как солдат. У нас была своя собака Жучка. Мы её очень любили, играли с ней и кормили её остатками от казенного обеда.

И вдруг у нашего надзирателя, у «дядьки», появилась своя собака, тоже Жучка. Жизнь нашей Жучки сразу переменялась: «дядька» заботился только о своей Жучке, а нашу бил и мучил. Однажды он плеснул на неё кипятком. Собака с визгом бросилась бежать, а потом мы увидели: у нашей Жучки на боку и на спине облезла шерсть и даже кожа! Мы страшно разозлились на «дядьку». Собрались в укромном уголке коридора и стали придумывать, как отомстить ему.

— Надо его проучить, — говорили ребята.

— Надо вот что... надо убить его Жучку!

— Правильно! Утопить!

— А где утопить? Лучше камнем убить!

— Нет, лучше повесить!

— Правильно! Повесить! Повесить!

«Суд» совещался недолго. Приговор был принят единогласно: смертная казнь через повешение.

— Пойдите, а кто будет вешать?

Все молчали. Никому не хотелось быть палачом.

— Давайте жребий тянуть! — предложил кто-то.

— Давайте!

В гимназическую фуражку были положены записки. Я почему-то был уверен, что мне достанется пустая, и с лёгким сердцем сунул руку в фуражку. Достал записку, развернул и прочитал: «Повесить». Мне стало неприятно. Я позавидовал товарищам, которым достались пустые записки, но всё же пошёл за «дядькиной» Жучкой. Собака доверчиво виляла хвостом. Кто-то из наших сказал:

— Ишь гладкая! А у нашей весь бок облезлый.

Я накинул Жучке на шею веревку и повел в сарай. Жучка весело бежала, натягивая верёвку и оглядываясь. В сарае было темно. Дрожащими пальцами я нащупал над головой толстую поперечную балку; потом размахнулся, перекинул верёвку через балку и стал тянуть.

Вдруг я услышал хрипенье. Собака хрипела и дергалась. Я задрожал, зубы у меня защёлкали, как от холода, руки сразу стали слабые... Я выпустил верёвку, и собака тяжело упала на землю.

Я почувствовал страх, жалость и любовь к собаке. Что делать? Она, наверно, задыхается сейчас в предсмертных мучениях! Надо скорее добить её, чтобы не мучилась. Я нашарил камень и размахнулся. Камень ударился обо что-то мягкое. Я не выдержал, заплакал и бросился вон из сарая. Убитая собака осталась там... В ту ночь я плохо спал. Всё время мне мерещилась Жучка, всё время в ушах слышалось её предсмертное хрипенье. Наконец настало утро. Разбитый, с головной болью, я кое-как поднялся, оделся и пошёл на занятия.

И вдруг на плацу, где мы всегда маршировали, я увидел чудо. Что такое? Я остановился и протёр глаза. Собака, убитая мною накануне, стояла, как всегда, около нашего «дядьки» и помахивала хвостом. Завидев меня, она как ни в чём не бывало подбежала и с ласковым повизгиванием стала тереться у ног.

Как же так? Я её вешал, а она не помнит зла и ещё ласкается ко мне! Слезы выступили у меня на глазах. Я нагнулся к собаке и стал её обнимать и целовать в косматую морду. Я понял: там, в сарае, я угодил камнем в глину, а Жучка осталась жива.

Вот с тех пор я и полюбил животных. А потом, когда вырос, стал воспитывать зверей и учить их, то есть дрессировать. Только я их учил не палкой, а лаской, и они меня тоже любили и слушались.

ЧУШКА — ФИНТИФЛЮШКА

Моя звериная школа называется «Уголок Дурова». Называется «уголок», а на самом деле это большой дом, с террасой, с садом. Одному слону сколько места надо! А ведь у меня еще и обезьяны, и морские львы, и белые медведи, и собаки, и зайцы, и барсуки, и ежи, и птицы!..

У меня звери не просто живут, а учатся. Я их обучаю разным вещам, чтобы они могли выступать в цирке. При этом я и сам изучаю зверей. Так мы учимся друг у друга.

Как во всякой школе, у меня были хорошие ученики, были и похуже. Одна из первых моих учениц была Чушка-Финтифлюшка — обыкновенная свинья.

Когда Чушка поступила в «школу», она была ещё совсем новичок и ничего не умела. Я приласкал её и дал ей мяса. Она съела и хрюкает: давай еще! Я отошёл в угол и показал ей новый кусок мяса. Она как побежит ко мне! Понравилось ей, видно.

Скоро она привыкла и стала ходить за мной по пятам. Куда я — туда и Чушка-Финтифлюшка. Первый урок она усвоила отлично.

Мы перешли ко второму уроку. Я принёс Чушке кусок хлеба, намазанный салом. Пахло очень вкусно. Чушка со всех ног бросилась за лакомым кусочком. Но я ей не дал и стал водить хлебом над её головой. Чушка потянулась за хлебом и перевернулась на месте. Молодец! Это мне и надо было. Я поставил Чушке «пятёрку», то есть дал кусочек сала. Потом я заставил её несколько раз повернуться, приговаривая при этом:

— Чушка-Финтифлюшка, перевернись!

И она перевёртывалась и получала вкусные «пятёрки». Так она научилась танцевать «вальс».

С тех пор она поселилась в деревянном домике, на конюшне.

Я пришёл к ней на новоселье. Она выбежала мне навстречу. Я расставил ноги, нагнулся и протянул ей кусочек мяса. Чушка приблизилась к мясу, но я быстро переложил его в другую руку. Чушку влекла приманка — она прошла между моими ногами. Это называется «проходить через ворота». Так я повторил несколько раз. Чушка быстро научилась «проходить через ворота».

После этого я устроил настоящую репетицию в цирке. Свинка испугалась было артистов, которые суетились и прыгали на арене, и бросилась к выходу. Но там ее встретил служащий и погнал ко мне. Куда

деваться? Она робко прижалась к моим ногам. Но и я, её главный защитник, стал гонять её длинным кнутом.

В конце концов Чушка поняла, что ей надо бегать вдоль барьера до тех пор, пока не опустится кончик бича. Когда же он опустится, надо подойти к хозяину за наградой.

Но вот новая задача. Служащий принес доску. Один конец положил на барьер, а другой поднял невысоко над землёй. Хлопнул бич — Чушка побежала вдоль барьера. Дойдя до доски, она хотела было обойти её, но тут снова хлопнул бич, и Чушка перепрыгнула через доску.

Постепенно мы поднимали доску всё выше и выше. Чушка прыгала, иногда срывалась, опять прыгала... В конце концов мускулы её окрепли, и она стала отличным «гимнастом-прыгуном».

Тогда я стал учить свинью становиться передними ногами на низенькую табуреточку. Как только Чушка, дожевывая хлеб, тянулась за другим куском, я клал хлеб на табуретку, к передним ногам свиньи. Она нагибалась и торопливо съедала его, а я опять поднимал кусок хлеба высоко над её пяточком. Она задирала голову, но я снова клал хлеб на табуретку, и Чушка снова нагибала голову. Так я проделал несколько раз, давая ей хлеб только после того, как она опустит голову.

Таким путём я научил Чушку «кланяться». Третий номер готов!

Через несколько дней мы стали разучивать четвёртый номер.

На арену вынесли разрезанную пополам бочку и поставили половинку дном вверх. Чушка разбежалась, вскочила на бочку и сейчас же соскочила с другой стороны. Но за это она ничего не получила. А хлопанье шамберьера^[1] снова пригнало свинью к бочке. Чушка снова перепрыгнула и опять осталась без награды. Так повторялось много раз. Чушка измучилась, устала и проголодалась. Она никак не могла понять, чего же от неё хотят.

Наконец я схватил Чушку за ошейник, поставил на бочку и дал ей мяса. Тут-то она сообразила: надо просто стоять на бочке и больше ничего.

Это сделалось её любимым номером. И правда, что может быть приятнее: стой себе спокойно на бочке и получай кусок за куском.

Раз, когда она стояла на бочке, я забрался к ней и занёс правую ногу над её спиной. Чушка испугалась, кинулась в сторону, сбила меня с ног и удрала в конюшню. Там она в изнеможении опустилась на пол клетки и пролежала часа два.

Когда ей принесли ведро месива и она с жадностью набросилась на еду, я снова вскочил ей на спину и крепко сжал ногами бока. Чушка начала биться, но сбросить меня не сумела. К тому же ей хотелось есть. Забыв про

все неприятности, она принялась есть.

Так повторялось изо дня в день. В конце концов Чушка научилась возить меня на спине. Теперь можно было выступить с ней перед публикой.

Мы устроили генеральную репетицию. Чушка отлично проделала все номера, какие умела.

— Смотри, Чушка, — сказал я, — не осрамись перед публикой!

Служащий вымыл её, пригладил, причесал. Настал вечер. Загремел оркестр, зашумела публика, прозвенел звонок, «рыжий» выбежал на арену. Представление началось. Я переоделся и подошел к Чушке:

— Ну как, Чушка, не волнуешься?

Она посмотрела на меня как будто с изумлением. И на самом деле, меня трудно было узнать. Лицо намазано белым, губы — красным, брови подведены, а на белом блестящем костюме нашиты портреты Чушки.

— Дуров, твой выход! — сказал директор цирка.

Я вышел на арену. Чушка побежала за мной. Дети, увидев свинью на арене, весело захлопали. Чушка испугалась. Я стал ее гладить, приговаривая:

— Чушка, не пугайся, Чушка...

Она успокоилась. Я хлопнул шамберьером, и Чушка, как и на репетиции, перепрыгнула через перекладину.

Все захлопали, а Чушка, по привычке, подбежала ко мне. Я сказал:

— Финтифлюшка, хотите шоколаду?

И дал ей мяса. Чушка ела, а я говорил:

— Свинья, а тоже вкус понимает! — И крикнул оркестру: — Пожалуйста, сыграйте «Свинячий вальс».

Заиграла музыка, и Финтифлюшка закружилась на арене. Ох и смеялась же публика!

Потом на арене появилась бочка. Чушка забралась на бочку, я — на Чушку и как закричу:

— А вот и Дуров на свинье!

И опять все захлопали.

«Артистка» прыгала через разные препятствия, потом я ловким прыжком вскочил на неё, и она, как лихой конь, унесла меня с арены.

А публика изо всех сил хлопала и всё кричала:

— Bravo, Чушка! Бис, Финтифлюшка!

Успех был большой. Многие побежали за кулисы смотреть на учёную свинью. Но «артистка» ни на кого не обращала внимания. Она с жадностью уписывала густые, отборные помои. Они ей были дороже аплодисментов.

Первое выступление прошло как нельзя лучше.

Мало-помалу Чушка привыкла к цирку. Она часто выступала, и публика её очень любила.

Но Чушкины успехи не давали покоя нашему клоуну. Он был знаменитый клоун; фамилия его была Танти.

«Как, — думал Танти, — обыкновенная свинья, хавронья, пользуется большим успехом, чем я, знаменитый Танти?... Этому надо положить конец!»

Он улучил минуту, когда меня не было в цирке, и забрался к Чушке. А я ничего не знал. Вечером я, как всегда, вышел с Чушкой на арену. Чушка отлично проделывала все номера.

Но как только я сел на неё верхом, она заметалась и сбросила меня. Что такое? Я прыгнул на неё ещё раз. А она опять вырывается, как необъезженная лошадь. Публика смеётся. А мне совсем не до смеху. Я бегаю за Чушкой с шамберьером по арене, а она со всех ног удирает. Вдруг она юркнула между служителями — и в конюшню. Публика шумит, я улыбаюсь, будто ничего не случилось, а сам думаю: «Что же это такое? Неужели свинья взбесилась? Придётся её убить!»

После представления я кинулся осматривать свинью. Ничего! Щупаю нос, живот, ноги — ничего! Поставил градусник — температура нормальная.

Пришлось позвать доктора.

Он заглянул ей в рот и насильно влил туда изрядную порцию касторки.

После лечения я снова попробовал сесть на Чушку, но она опять вырвалась и убежала. И, если бы не служащий, который ухаживал за Чушкой, мы бы так и не узнали, в чём дело.

На следующий день служащий, купая Чушку, увидел: вся спина у неё изранена. Оказалось, Танти насыпал ей на спину овса и растёр по щетине. Конечно, когда я сел верхом на Чушку, зёрна впились в кожу и причинили свинье невыносимую боль.

Пришлось лечить бедную Чушку горячими припарками и чуть ли не по одному выбирать из щетины разбухшие зёрна. Чушка смогла выступать только через две недели. К тому времени я придумал для неё новый номер.

Я купил маленькую тележку с упряжью, надел на Чушку хомут и стал её запрягать, как лошадь. Сначала Чушка не давалась и рвала упряжь. Но я настоял на своём. Чушка постепенно привыкла ходить в упряжке.

Раз ко мне пришли приятели:

— Дуров, поедем в ресторан!

— Хорошо, — ответил я. — Вы, конечно, поедете на извозчике?

— Разумеется, — отвечали приятели. — А ты на чём?

— Увидите! — ответил я и стал закладывать Чушку в тележку.

Сам сел на «облучок», подобрал вожжи, и мы покатали по главной улице.

Что тут творилось! Извозчики уступали нам дорогу. Прохожие останавливались. Кучер конки засмотрелся на нас и выронил вожжи. Пассажиры вскочили с мест и захлопали, как в цирке:

— Bravo! Bravo!

Толпа детей бежала за нами с криком:

— Свинья! Гляди, свинья!

— Вот так конь!

— Не дотащит!

— Привезёт в хлев!

— Вываляй Дурова в луже!

Вдруг точно из-под земли вырос полицейский. Я осадил «коня». Полицейский грозно крикнул:

— Кто разрешил?

— Никто, — спокойно ответил я. — У меня нет лошади, вот я и еду на свинье.

— Поворачивай оглобли! — крикнул полицейский и схватил Чушку под «узды». — Езжай глухими переулками, чтобы тебя ни одна душа не видела. И он тут же составил на меня протокол. Через несколько дней меня вызвали в суд.

Туда я не решился ехать на свинье. Меня судили за то, что я будто бы нарушил общественную тишину. А я никакой тишины не нарушал. Чушка даже ни разу не хрюкнула во время езды. Я так и сказал на суде, и ещё я сказал о пользе свиней: их можно научить развозить продукты, перевозить поклажу.

Меня оправдали. Тогда такое время было: чуть что — протокол и суд.

Раз Чушка чуть не погибла. Дело было так. Нас пригласили в один приволжский город. Чушка тогда уже была очень учёная. Мы сели на пароход. Чушку я привязал на палубе к перилам балкона около большой клетки, а в клетке сидел медведь, Михаил Иванович Топтыгин. Сначала всё было хорошо. Пароход бежал вниз по Волге. Все пассажиры собрались на палубе и смотрели на учёную свинью и на Мишку. Михаил Иванович тоже долго смотрел на Чушку-Финтифлюшку, потом потрогал лапой дверцу клетки — подаётся (видно, служитель, на беду, плохо запер клетку). Наш Мишка, не будь дурак, открыл клетку и, не мешкая, выскочил из неё. Толпа отпрянула. Никто и опомниться не успел, как медведь с рёвом бросился на учёную свинью Чушку-Финтифлюшку...

Она хоть и учёная, но справиться с медведем ей, конечно, было не под силу.

Я ахнул. Не помня себя, вскочил на медведя, уселся на него, одной рукой вцепился в мохнатую шкуру, а другую просунул в горячую медвежью пасть и стал изо всех сил рвать медвежью щёку.

Но Михаил Иванович только пуще заревел, теребя Чушку. Она визжала, как самая обыкновенная, неучёная свинья.

Тогда я дотянулся до медвежьего уха и стал его кусать что было силы. Михаил Иванович рассвирепел. Он попятился и вдруг втолкнул Чушку и меня в клетку. Он стал прижимать нас к задней стенке клетки. Тут сбежались служащие с железными палками. Медведь с яростью отбивал удары лапами, и чем больше снаружи колотили медведя, тем сильнее он прижимал нас к прутьям.

Пришлось спешно выпилить из задней стенки два прута. Только тогда нам с Чушкой удалось выбраться на свободу. Я был весь исцарапан, а Чушка основательно помята.

Долго болела Чушка после этого случая.

ХРЮШКА-ПАРАШЮТИСТ

Была у меня свинья Хрюшка. Она у меня летала! В то время ещё самолётов не было, а поднимались в воздух на воздушном шаре. Я решил, что моя Хрюшка тоже должна подняться в воздух. Я заказал из белой бязи воздушный шар (метров на двадцать в диаметре) и к нему шёлковый парашют.

В воздух шар поднимался так. Из кирпичей устроили печь, там сжигалась солома, а шар привязывался к двум столбам над печью. Держали его человек тридцать, постепенно растягивая. Когда шар весь наполнялся дымом и тёплым воздухом, канаты отпускали, и шар поднимался.

Но как научить Хрюшку летать?

Я тогда жил на даче. Вот мы с Хрюшкой вышли на балкон, а на балконе у меня был устроен блок и через него переброшены обшитые войлоком ремни. Я надел на Хрюшку ремни и стал осторожненько подтягивать её на блоке. Хрюшка повисла в воздухе. Она отчаянно заболтала ногами и как завизжит! Но тут я поднёс будущей лётчице чашку с едой. Хрюшка, почуяв вкусное, забыла про всё на свете и занялась обедом. Так она и ела, болтая ногами в воздухе и покачиваясь на ремнях.

Я несколько раз поднимал её на блоке. Она привыкла к этому и, наевшись, даже спала, повиснув на ремнях.

Я приучил её к быстрому подъёму и спуску.

Потом мы перешли ко второй части обучения.

Я поставил затянутую ремнями Хрюшку на площадку, где был будильник. Затем поднёс Хрюшке чашку с пищей. Но как только её пяточок коснулся еды, я отвел руку с чашкой. Хрюшка потянулась за вкусным, соскочила с площадки и повисла на ремнях. В эту самую минуту затрещал будильник. Эти опыты я проделывал несколько раз, и Хрюшка уже знала, что всякий раз, как зазвонит будильник, она будет получать пищу из моих рук. В погоне за заветной чашкой она при звоне будильника сама соскакивала с площадки и раскачивалась в воздухе, ожидая лакомства. Она привыкла: как затрещит будильник, надо прыгать.

Всё готово. Теперь моя Хрюшка может отправляться в воздушное путешествие.

На всех заборах и столбах нашей дачной местности появились яркие афиши:

СВИНЬЯ В ОБЛАКАХ!

Что творилось в день спектакля! Билеты на дачный поезд брались с бою. Вагоны были набиты до отказа. Дети и взрослые висели на подножках.

Все говорили:

— А как это: свинья — да в облаках!

— Люди ещё летать не умеют, а тут свинья!

Только и разговоров было, что о свинье. Хрюшка сделалась знаменитой особой.

И вот началось представление. Шар наполнили дымом.

На площадку, подвезанную к шару, вывели Хрюшку. Мы привязали свинью к парашюту, а парашют прикрепили к верхушке шара тонкими бечёвками, только чтобы парашют держался. На площадку мы поставили будильник — через две-три минуты он затрещит.

Вот канаты отпущены. Шар со свиньей поднялся в воздух. Все закричали, зашумели:

— Гляди, летит!

— Пропадёт свинья!

— Ого, знай Дурова!

Когда шар был уже высоко, затрещал будильник. Хрюшка, привыкшая по звонку прыгать, бросилась с шара в воздух. Все ахнули: свинья камнем полетела вниз. Но тут парашют раскрылся, и Хрюшка, плавно покачиваясь, благополучно, как заправский парашютист, спустилась на землю.

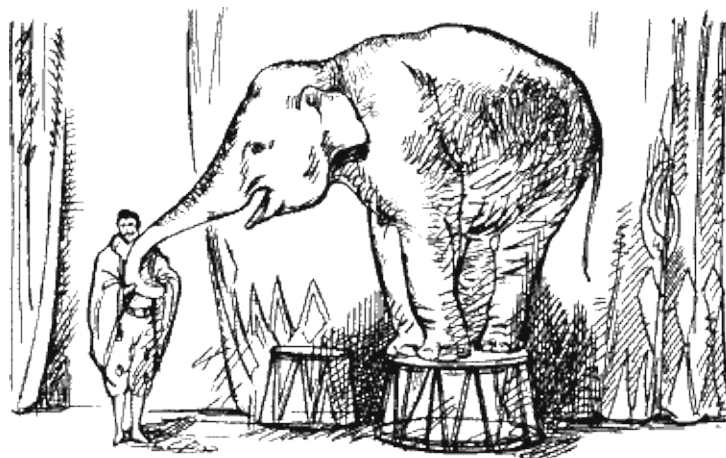
После этого первого полёта «парашютистка» проделала ещё множество воздушных путешествий. Мы с ней объездили всю Россию.

Полёты не обходились без приключений.

В одном городе Хрюшка попала на крышу гимназии. Положение было не из приятных. Зацепившись парашютом за водосточную трубу, Хрюшка визжала изо всех сил. Гимназисты оставили книжки и бросились к окнам. Уроки были сорваны. Достать Хрюшку не было никакой возможности. Пришлось вызывать пожарную команду.

СЛОН БЭБИ

Карлик

В городе Гамбурге был большой зоологический сад, который принадлежал одному известному торговцу зверями. Когда мне захотелось купить слона, я поехал в Гамбург. Хозяин показал мне маленького слонёнка и сказал:

- Это не слонёнок, это почти взрослый слон.
- Почему же он такой маленький? — удивился я.
- Потому что это слон-карлик.
- А разве бывают такие?
- Как видите, — заверил меня хозяин.

Я поверил и купил диковинного слона-карлика. За малый рост я дал слону кличку Бэби, что по-английски значит «дитя».

Его привезли в ящике с окошечком. Сквозь окошко часто высовывался кончик хобота.

Когда Бэби приехал, его выпустили из ящика и поставили перед ним таз с рисовой кашей и ведро молока. Слон терпеливо загрёб хоботом рис и отправил его в рот.

Хобот у слона — как у человека руки: Бэби хоботом брал пищу, хоботом ощупывал предметы, хоботом ласкал.

Бэби скоро привязался ко мне и, ласкаясь, водил хоботом по моим векам. Он делал это очень осторожно, но всё же подобные слоновьи ласки причиняли мне боль.

Прошло три месяца.

Мой «карлик» сильно вырос и прибавил в весе. Я начал подозревать, что в Гамбурге меня обманули и продали мне не карликового слона, а обыкновенного шестимесячного слонёнка. Впрочем, существуют ли вообще на свете карликовые слоны?

Когда мой «карлик» подрос, очень стало смешно наблюдать, как это громадное животное по-ребячьи шалит и резвится.

Днём я выводил Бэби на пустую арену цирка, а сам следил за ним из ложи.

Сначала он стоял на одном месте, растопырив уши, мотая головой и косясь по сторонам. Я кричал ему:

— Бэби!

Слонёнок медленно двигался по арене, обнюхивая хоботом землю. Не найдя ничего, кроме земли и опилок, Бэби принимался играть, как детишки в песке: он хоботом сгребал землю в кучу, потом подхватывал часть земли и осыпал ею голову и спину. Затем он встряхивался и уморительно хлопал ушами-лопухами.

Но вот, подгибая сначала задние, а затем и передние ноги, Бэби ложится на живот. Лёжа на животе, Бэби дует себе в рот и снова осыпает себя землёй. Он, видимо, наслаждается игрой: медленно переваливается с боку на бок, хоботом возит по арене, разбрасывает во все стороны землю.

Навалевшись вволю, Бэби подходит к ложе, где я сижу, и протягивает хобот за лакомством.

Я встаю и делаю вид, будто ухожу. У слона моментально меняется настроение. Он встревожен и бежит за мной. Ему не хочется оставаться одному.

Бэби не переносил одиночества: он топорщил уши и ревел. В слоновнике с ним обязательно должен был спать служащий, иначе слон своим рёвом не давал никому покоя. Даже днём, оставаясь один долго в стойле, он сначала лениво играл хоботом со своей цепью, которой он был прикован за заднюю ногу к полу, а потом начинал тревожиться и шуметь.

В стойлах возле Бэби стояли с одной стороны верблюды, а с другой — ослик Оська. Это для того, чтобы отгородить стоявших в конюшне лошадей, которые боялись слона, брыкались и становились на дыбы.

Бэби привык к своим соседям. Когда во время представления приходилось брать осла или верблюда на арену, слонёнок ревел и изо всех сил натягивал цепь. Ему хотелось бежать за своими друзьями.

Особенно он подружился с Оськой. Бэби часто просовывал хобот через перегородку и нежно гладил ослика по шее и спине.

Раз Оська заболел расстройством желудка, и ему не дали обычной

порции овса. Уныло опустив голову, он, голодный, скучал в стойле. А рядом Бэби, наевшись досыта, развлекался как мог: то положит клок сена в рот, то вынет, повертит во все стороны. Случайно Бэбин хобот с сеном потянулся к ослику. Оська не прозевал: он схватил сено и стал жевать. Бэби это понравилось. Он стал загребать хоботом сено и передавать его через перегородку другу-ослику...

Раз я решил взвесить Бэби. Но где взять подходящие весы?

Пришлось его вести на вокзал, туда, где взвешивают товарные вагоны. Весовщик с любопытством посмотрел на необычный груз.

— Сколько? — спросил я.

— Без малого сорок пудов! — ответил весовщик.

Сорок пудов? Хорош карлик! Что же будет дальше? Ведь мой «карлик» только начинал как следует расти: ему было немного более года. Я понял, что меня обманули.

— Это обыкновенный слонёнок! — сказал я мрачно. — Прощай, чудо природы — маленький, карликовый слон!..

Бэби боится... метлы

Слон не только умное, но и терпеливое животное. Посмотрите, как изорваны уши у любого слона, работающего в цирке. Обычно дрессировщики, обучая слона ходить по «бутылкам», или кружиться, или вставать на задние ноги, или садиться на бочку, действуют не лаской, а болью. Если слон не слушается, они рвут ему уши стальным крючком или же втыкают шило под кожу. И слоны всё терпят. Впрочем, некоторые слоны не выдерживают мучений. Когда-то в Одессе громадный старый слон Самсон рассвирепел и начал разносить зверинец. Служители ничего не могли с ним поделать. Ни угрозы, ни побои, ни угощения не помогали. Слон ломал всё, что попадалось ему на пути. Пришлось его окопать и держать несколько дней в яме. В Одессе только и было разговоров что о Самсоне:

— Слыхали, Самсон сбежал?

— Но ведь это очень опасно! Что, если он побежит по улицам?

— Надо убить его!

— Убить такое редкое животное?!

Но Самсон никак не хотел возвращаться в зверинец. Тогда решили его отравить. Наполнили большой апельсин сильным ядом и преподнесли Самсону. Но Самсон есть не стал и даже не подпустил к себе отравителей.

Тогда предложили желающим убить Самсона из ружья.

Нашлись любители, которые даже заплатили за «стрельбу в цель». Выпустив массу пуль, они прикончили великана.

И никто не подумал, что если бы Самсона в зверинце не мучили, а обращались с ним ласково, то не пришлось бы в него стрелять.

Я, обучая животных, стараюсь действовать лаской, лакомым кусочком, а не побоями. Так я учил Бэби. Заставляя его что-нибудь делать, я ласкал его, похлопывал по груди и показывал сахар. И Бэби меня слушался.

Раз мы приехали в Харьков. Поезд с моими зверями выгружался на товарной станции.

Из огромного пульмановского вагона показался Бэби. Его вожак Николай, выметая сор из-под слона, задел случайно метлой ногу Бэби. Бэби сердито повернулся к вожаку, растопырил уши-лопухи — и ни с места. Николай начал гладить Бэби, хлопал его по животу, чесал его за ухом, совал в рот морковь — ничто не помогало. Бэби не шевелился. Николай вышел из терпения. Он вспомнил старый способ цирковых дрессировщиков и стал колоть слона острым шилом и тащить за ухо стальным крючком. Бэби ревел от боли, мотал головой, но не двигался. На ухе его показалась кровь. На помощь Николаю прибежали восемь служителей с вилами и дубинками. Они стали бить бедного Бэби, но слон только ревел, мотал головой, а с места не двигался.

Я в это время был в городе. Меня разыскали по телефону. Я тотчас же прибежал на выручку Бэби — прогнал всех его мучителей и, оставшись со слоном наедине, громко и ласково позвал:

— Сюда, Бэби, сюда, маленький!

Услышав знакомый голос, Бэби насторожился, поднял голову, выставил хобот и стал с шумом втягивать воздух. Несколько секунд он стоял неподвижно. Наконец громадная туша зашевелилась. Медленно, осторожно Бэби стал выходить из вагона, пробуя хоботом и ногой доски трапа: прочны ли они, выдержат ли его.

Когда слон сошёл на платформу, служащие быстро задвинули дверь вагона. Я продолжал ласково звать упряма. Бэби быстро и решительно подошёл ко мне, обхватил хоботом мою руку выше локтя и слегка притянул меня к себе. И сейчас же он почувствовал на своём скользком языке апельсин. Бэби подержал апельсин во рту, чуть оттопырил «лопухи» и тихо, с лёгким ворчаньем выпустил воздух из хобота.

Мой голос и ласка успокоили Бэби. Я осторожно освободил руку из-под хобота и пошёл по платформе. Слон пошёл за мной по пятам, как собака.

Так я лаской добился того, чего не смогли добиться девять человек, вооруженных вилами и дубинками.

Дорогой нам встречались взрослые, дети. Они бежали за слоном. Многие протягивали ему яблоки, апельсины, белый хлеб, конфеты. Но Бэби не обращал внимания на все эти чудесные вещи; ровным шагом он шёл за мной. И я благополучно привёл его в цирк.

Первое выступление в Харькове прошло как нельзя лучше. Но вот через день началось второе выступление. Я стоял посреди арены. Публика ждала выхода своего любимца слона.

Только я собрался крикнуть: «Бэби, сюда», как вдруг из-за кулис показалась голова слона. Я сразу понял: Бэби взволнован. Уши у него растопырены, а хобот закручен улиткой. Он шёл очень быстро, но вовсе не ко мне. Меня он даже не заметил и направился прямо к главному выходу.

Почуввав недоброе, я бросился к Бэби... но не тут-то было. Не обращая на меня никакого внимания, он все тем же широким, быстрым шагом прошел в фойе. Здесь его с граблями, вилами и барьерами встретили служащие и конюхи цирка. На злополучного слона посыпались удары. Публика повскакала с мест. У выходных дверей образовалась толпа. Кого-то придавили. Поднялась суматоха, перебранка.

Я бросился к Бэби. Вместе со служащими мы повисли на нём. Но Бэби твёрдо решил покинуть ненавистный цирк. Он шел прямо к двери. Боясь быть раздавленными, мы отскочили от великана. Он вышел на улицу. Служащие бежали за ним.

Я вернулся на арену: не мог же я бежать по улице в клоунском наряде, с раскрашенным для представления лицом. Кроме того, надо успокоить публику. Я поднял руку и сказал:

— Дети, у Бэби заболел животик, и он сам пошёл в аптеку за касторкой.

Публика засмеялась и вернулась на места. Дети хохотали и весело повторяли:

— У слона заболел животик!

— Слон сам пошёл в аптеку!

— Ему, наверно, надо ведро касторки!

— Умный слон!

— Только пускай скорее вернётся!

Я и сам хотел того же. Я очень беспокоился за Бэби. Где-то он теперь? Но я взял себя в руки и продолжал представление. Я закончил номер и уехал с арены на тройке остяцких собак.

Очутившись за кулисами, я быстро переоделся, стёр с лица краски,

выскочил на улицу и на первом попавшемся извозчике помчался в погоню за беглецом.

Бэби успел переполошить весь город. Прохожие указывали мне дорогу. Я мчался к вокзалу. Но вот мне встретился служащий цирка. Он вскочил ко мне в пролётку и крикнул:

— Не беспокойтесь! Бэби цел... Он прибежал на товарную платформу... как раз туда, где мы выгружались.

— А как же он нашёл дорогу? Кто его повёл?

— Сам. Запомнил, значит...

— Извозчик, гони! — крикнул я.

И вот мы на вокзале. Ещё издали я заметил Бэби. Он стоял на той самой платформе, где выходил из вагона. Кругом — толпа любопытных. Я подошёл. Толпа расступилась. Я позвал:

— Бэби, сюда!

Слон сейчас же поднял хобот, повернулся ко мне и радостно заревел.

Толпа дрогнула, почтительно уступая слону дорогу. Бэби с шумом выпустил через хобот воздух и, махая ушами, пошёл за мной.

Потом я узнал все подробности. Николай перед выходом слона на арену взял метёлку и стал подметать под ним навоз. Сначала Бэби не заметил метлы. Но вдруг тонкие, гнущиеся прутья нечаянно задели ноги слона. Бэби вздрогнул, подобрал зад, поджал короткий хвост и побежал на арену.

Из цирка он направился прямо к вокзалу. Он шёл уверенным шагом по улицам и переулкам, ни разу не сбившись с дороги.

У ворот товарного двора, около вокзала, он на минуту остановился в раздумье. Засовы и замок преграждали путь. Но Бэби думал недолго. Великан слегка подналёг на ворота. Минута — и замок, затворы, скобы и балки полетели в разные стороны.

Бэби обошёл длинные каменные склады и направился к знакомой платформе. Вагонов он не нашёл: они были переведены на запасный путь. Но Бэби не огорчился. Он стал равнодушно подбирать хоботом сор, бумагу и солому, оставшиеся на платформе после разгрузки.

Почему же громадный слон испугался безобидной метлы?

Цирковые артисты в то время отличались суеверием. Они пугались, если бумажка с ролью упадёт на пол: плохая примета — не будет успеха. Они не позволяли подметать метлой цирк, говоря: «Это значит вымести из цирка благополучие».

Вместо метлы в цирке всегда пользовались только граблями.

Бэби отлично знал железные грабли и совершенно не был знаком с

метлой. Она, наверно, показалась ему чудовищем, и он постыдно бежал.

Громадный слон испугался метлы, которая случайно попала в цирк.

Вечером он снова как ни в чём не бывало выступал на арене, похрустывая заработанным сахаром. И дети хлопали и кричали:

— Бэби поправился! У Бэби больше не болит животик!

А метлу, конечно, выкинули...

Бэби-парикмахер

У меня был помощник, карлик, по прозвищу Ванька-Встанька. Вдвоём с Бэби они разыгрывали на арене смешную сценку «В парикмахерской». Публика очень любила этот номер.

Крошечный Ванька-Встанька выходит на арену. Я грозно кричу:

— Ванька-Встанька! Как тебе не стыдно выступать перед публикой небритым? Надо тебя побрить! Пойди переоденься, а я устрою здесь парикмахерскую.

Карлик уходит. На арену выносят большущую кровать с огромной, набитой сеном подушкой. Рядом с кроватью — тумба. На тумбе, в подсвечнике, — свеча. В другом углу арены — стол, а на столе — длинные железные щипцы и громадная деревянная бритва. У стола — стул на высоких ножках, горн с тлеющими углями, точило. У входа — декорация: дверь и окно с вывеской:

ПАРИКМАХЕР ИЗ ПАРИЖА

СЛОНОВ

СТРИЖКА И БРИЖКА

Вот отворяется дверь. Появляется Бэби. Я представляю его публике. Слон раскланивается. Я говорю:

— Приведите в порядок парикмахерскую, смахните пыль и ложитесь спать. Завтра надо рано подняться: придут клиенты.

Бэби подходит к столу, хватается хоботом за ручку ящика, выдвигает его и достаёт салфетку. Стирая пыль со стола, он сметает на пол щипцы и бритву. Потом «парикмахер» начинает водить тряпкой по нарисованному

окну, будто протирает стёкла.

— Спать, мастер, спать! — говорю я.

Бэби подходит к кровати и хоботом нашаривает под подушкой гигантского «клопа», величиной с полметра. Бэби кладёт «клопа» на землю и наступает на него ногой. «Клоп», сделанный из свиного пузыря, громко лопается. Публика хохочет.

Раздавив «клопа», Бэби становится всеми ногами на кровать. Это он так ложится спать. Затем он берёт хоботом подушку и делает вид, будто хочет запустить её в подсвечник. Я кричу:

— Что вы делаете? Разве так тушат свечи! — Я вырываю подушку. — Тушите!

Бэби вытягивает хобот и дует на свечу. Свеча вместе с подсвечником летит на землю. Я говорю:

— Вот кого бы следовало пригласить в пожарные.

В дверь стучат. Входит Ванька-Встанька. На нём пёстрое смешное пальто и лысый парик. Я кланяюсь «клиенту». Бэби тоже почтительно качает головой.

— Садитесь!

Карлик садится. Я подвязываю ему салфетку:

— Что угодно?

— Завейте, — говорит карлик, показывая на лысую голову.

— Да что же мы станем завивать?... — удивляюсь я. — Мастер Слонов, проверьте голову посетителя.

Бэби свёртывает хобот улиткой и осторожно стучит им по голове Ваньки-Встаньки. Я беру щипцы:

— Нагрейте!

Слон берётся за рычаг горна и начинает накачивать воздух. Я подсыпаю бенгальского огня. Цирк освещается ярким красным светом.

— Пожалуйста, наточите бритву.

«Парикмахер» вертит хоботом ручку точила.

— А теперь не угодно ли взбить мыло для бритья?

Я подставляю Бэби ведро и швабру. Слон хоботом обхватывает «кисточку» и взбивает в ведре мыло.

— Довольно!

Бэби водит шваброй по голове карлика. Ванька-Встанька в ужасе. Он кричит и болтает коротенькими ручками и ножками, а Бэби деловито собирает мыло с Ванькиной головы... себе в рот.

Я подаю «мастеру» деревянную бритву. Бэби начинает «брить». «Клиент» кричит благим матом:

— Ой, довольно! Пустите, довольно!

Он срывается с места и бежит к выходу. Бэби догоняет его. Я говорю:

— Платите!

«Клиент» достаёт из кармана кусок сахара.

«Парикмахер» жуёт сахар и кланяется публике. Потом мы скрываемся за занавесом.

Эта сложная сценка очень нравилась детям. Подготовить её было не так-то легко. Пришлось затратить много труда и терпения. Но и здесь, как всегда, я действовал только лаской и ни разу не ударил своего четвероногого ученика Бэби.

Слон любил меня и был послушен и добр. Но иногда на него находили припадки упрямства.

Раз я повёл его на арену для репетиции. Вдруг Бэби вздумалось повернуть налево, в тускло освещенный проход под галереей. Я загородил дорогу и крикнул:

— Алле!

Но Бэби встал как вкопанный. Я взял его за ухо и с силой потянул в сторону. Бэби заревел, вырвался и двинулся к тому же проходу. Я снова поймал его за ухо и снова повернул назад. Но Бэби не слушался. Я стал его ласково уговаривать и сунул ему в рот кусок сахара. В ответ раздался невообразимый рёв, будто я подсунул слону отраву. Бэби выплюнул сахар и снова потянулся к тёмному проходу. «Ладно, упрямец, — решил я, — будешь знать!» В проходе, под галереей, стояла железная печка. Она в это время топилась и была сильно накалена. Я подумал: «Бэби, проходя под галереей, обязательно заденет горячую печку». Я отпустил его ухо и отступил. Бэби пошёл куда хотел, дошёл до печки и, конечно, обжёгся. Он попятился, поджал короткий хвост и побежал ко мне. Я молча ждал. Бэби опустил хобот и стал жалобно гудеть. Я тихо погладил его, потрепал за ухо, и Бэби затих. Я начал репетицию. Упрямец был наказан.

Бэби разъезжал со мной по разным городам. Когда мы приезжали куда-нибудь и шли с вокзала в цирк, вокруг нас собиралась толпа. Мальчишки дивились длинному хоботу слона, его толстым ногам.

Они целыми днями осаждали цирк. Они находили в стене щели, просовывали туда палки и дразнили Бэби. А Бэби в ответ прикладывал к щели хобот и дул на хулиганов.

В одном городе произошел случай, который я никогда не забуду.

Наш летний цирк стоял на площади. Крыша цирка была сделана из парусины. Ночью поднялся сильный ветер, сорвал парусину и электрические провода. Наступила крошечная тьма. К счастью, публики в

цирке не было. Но там были артисты, служители, звери. Во мраке раздавались крики людей, топот лошадей, треск ломающихся досок... Оглушительно заревел Бэби.

Я нащупал в темноте керосиновую лампу, зажёл и бросился к слону. При скудном свете лампы я увидел: всё стойло Бэби было разгромлено. Столбы, на которых держалась балка с цепью, были вырваны из земли вместе с досками. Бэби, объятый ужасом, высоко поднял хобот, растопырил уши и дергал ногу с цепью, стараясь оторваться от балки. При этом он ревел во всё горло. Он потащил за собой балку; она застряла в проходе. Слон рвался и ревел. В соседних стойлах вздыбились лошади. Я понимал, что обезумевший Бэби может меня убить. Но выбора не было: я обязан был во что бы то ни стало успокоить слона.

Я приближался к нему, освещая путь тусклой лампой, и ласково звал:
— Бэби, Бэби!

Добравшись до Бэби, я начал его гладить, чесать ему живот, трепать за ухо; я обнимал его, целовал в хобот — ничего не помогало. Бэби обезумел. Он рвался с цепи, причиняя себе страшную боль: цепь всё глубже впивалась в ногу. Потом он упал на колени и чуть не задавил меня. Он загребал хоботом землю и выворачивал камни.

Но вот цирк наполнился слабым светом — это служащие нашли запасные лампы. Ветер стал тише. С большим трудом мне удалось снять цепь с ноги слона.

Почувствовав облегчение, Бэби перестал реветь. Он долго не мог успокоиться, вздрагивал, топорщил уши и с шумом выпускал воздух через хобот.

Хорошо, что балка застряла и Бэби не мог вырваться на свободу! Обезумевший от страха, он наделал бы немало бед, и его пришлось бы пристрелить.

Бэби-воришка

Бэби любил, когда служитель Николай смазывал ему тело вазелином. Вазелин предохраняет кожу от мороза: не смазанная жиром, кожа слона высыхает и трескается. Особенно чувствительны у слона уши.

Вот стоит, бывало, Бэби в стойле, а Николай усердно мажет его. Кожа слона начинает щеголевато лосниться. Бэби разнеживается и начинает шалить: мотает головой, болтает хоботом, будто веревкой, старается толкнуть ногой табурет.

Шалил он много и во время купанья. А купаться он очень любил. В Крыму, в Евпатории, толпы отдыхающих часами наблюдали, как мой Бэби купается в море. Слон кувыркался в волнах, как акробат. Он доставал хоботом со дна песок, обмазывал им себе голову и спину, бил хоботом по воде. Наигравшись вволю, он погружался в воду с головой — из воды торчал только коротенький хвост. Публика хохотала.

Бэби был большой попрошайка. Я его кормил очень хорошо, и всё же он всегда выпрашивал у публики подарки. Публика его любила и щедро угощала. Особенно старались дети. Они без конца совали в его цепкий хобот разные лакомства.

Выйдет, бывало, Бэби на арену и давай кланяться. Со всех сторон бросают ему лакомства. А попрошайка кивает головой и похрустывает конфетами и сахаром.

Однажды я решил сосчитать, сколько же булок подарили Бэби. Оказалось, за один вечер в Москве гостеприимные москвичи поднесли Бэби сто двадцать шесть больших белых булок, и он всё съел.

Бэби попрошайничал везде: в цирке, на улице, на вокзалах. Один раз у вокзала, когда мы выгружались из вагона, вокруг Бэби собрались женщины, торгующие продуктами. Бэби заметил корзинку с капустой, картофелем и морковкой. Корзинку держала девочка лет одиннадцати. Забыв обо всем на свете, девочка смотрела на невиданного зверя.

Не долго думая, Бэби протянул хобот, схватил корзинку и всю её, вместе с капустой, картофелем и морковкой, отправил в рот.

Девочка застыла от удивления. Молча она следила за тем, как слон глотает её корзинку.

Бэби поел (видно, ему понравилось) и, по привычке, стал усиленно кланяться: он благодарил за угощение. Девочка растерялась, замигала глазами и в ответ тоже стала кивать слону. Публика захохотала. Пожалуй, даже и в цирке у Бэби не было лучшего номера.

Смех привёл девочку в себя. Она оглянулась на толпу и заплакала. Пришлось мне заплатить за овощи и за корзинку.

Иногда Бэби развлекался мелким воровством. Он не был разборчив и подбирал все, что плохо лежало. Попадётся ему брошенная вожакон куртка — Бэби хватает куртку и всю её вместе с карманами, где лежат табак, кошелёк, перочинный нож и даже паспорт, отправляет в рот. Проходя мимо артистической уборной, он при удобном случае воровал парики, гримировальные краски, платья. Всё это он прятал в одно место — в рот.

Один раз он даже пытался проглотить горящую керосиновую лампу.

Попробуй докажи ему, что воровать нельзя!

У классной доски

На арене — школа. На партах, будто настоящие школьники, сидят морские львы, свиньи, слон, телёнок, ослик, пеликан, фокстерьер Пик и большой сенбернар Лорд.

Бэби — один из первых учеников. Он получает круглые пятёрки, и даже с плюсом. Особенно он силен в арифметике.

Я вызываю Бэби к доске:

— Бэби, сколько будет три и четыре?

Бэби берёт хоботом громадный кусок мела и выводит на доске семь толстых палок. Порой он писал таким размашистым, слоновьим почерком, что единицы не помещались на доске.

— Лорд, сколько не хватает единиц на доске?

И Лорд лаял ровно столько раз, сколько надо было. А пеликан, сидевший на второй скамье, шипел на весь «класс».

Я журил пеликана:

— Нельзя подсказывать... Нехорошо.

Как видите, совсем как в настоящей школе. И даже книги на партах лежат.

Книги были особенные, деревянные, и ученики перелистывали их кто как мог: свинья — пяточком, осёл — мордой, пеликан — длинным, будто ножницы, клювом, а морские львы — лапами.

Случалось, Бэби выводил на доске больше палок, чем нужно. Тогда Лео, морской лев, подбегал к доске, становился на задние лапы, упирался левым ластом в доску, а правым стирал лишние единицы.

Публика аплодировала и удивлялась. Ей всё это казалось чем-то вроде чуда. А тут никакого чуда нет. Я долго и терпеливо обучал зверей всем этим движениям. А некоторым вещам и учить не надо было. Так, например, сидя на арене за партой, старый пёс Лорд нередко зевал, широко раскрывая пасть. Я его этому не учил — он зевал от усталости. А я говорил:

— Лорд — плохой ученик: зевает на уроке. Надо ему поставить четыре по поведению.

И публика смеялась.

Но вот урок окончен. Парты убираются, и ученик Бэби подходит к своему учителю. Я ложусь на землю. Бэби высоко поднимает ноги и осторожно переступает через меня. Публика ахает и аплодирует.

Бэби быстро бежит вокруг арены и снова, ещё выше поднимая ноги, шагает через моё беспомощно раскинутое тело.

Вот он стоит надо мной. Я командую:

— Алле, Бэби!

И слон медленно начинает подгибать задние ноги, становится на колени, затем подгибает передние и осторожно опускается на меня.

— Раздавит, раздавит! — кричит публика.

— Довольно!

— Ай, раздавил!..

Но Бэби и не думает меня давить. Правда, в нём примерно три тонны, и если бы он действительно лёг на меня, от учителя осталось бы мокрое место, но Бэби чувствует свой громадный вес. Как только его живот приближается ко мне, Бэби каменеет. Он напрягает все мускулы, старается удержаться в трудной позе и только тревожно гудит. По этому гуденью я узнаю, что Бэби хочет поскорее окончить утомительный номер и подняться.

— Алле!

Бэби медленно поднимается, выпрямляя толстые, как колонны, ноги. В публике облегчённо вздыхают.

— Бэби, алле!

И громадный слон поднимает передние ноги. Вот он стоит на одних задних ногах, высоко подняв передние, и балансирует. А я с распростёртыми руками стою под ним. И кажется, вот-вот слон не устоит на двух ногах и тяжёлая туша рухнет на меня.

— Алле!

Я отскакиваю. Бэби ставит передние ноги на землю и с облегчением выпускает воздух через хобот. Публика аплодирует.

Я заставляю Бэби поднять хобот и открыть рот. Он послушно исполняет это. Затем я вкладываю в его рот голову и расставляю руки. Публика замирает. Бэби стоит смирно, несмотря на то, что мои волосы щекочут его скользкий язык. В такой позе я не могу крикнуть: «Алле!» Я жду, пока публика не начнет аплодировать и кричать: «Довольно!» Иногда приходится ждать долго, но ничего не поделаешь. И когда наконец публика начинает хлопать, я вынимаю голову из пасти Бэби, и мы оба кланяемся. Надо отвечать на аплодисменты, нехорошо быть невежливым.

МОРСКИЕ ЛЬВЫ ЛЕО, ПИЦЦИ И ВАСЬКА

Лео-касир

На арене — морские львы Лео, Пицци и Васька. У них, как и у тюленей и моржей, вместо ног ласты. В морях, где водятся эти животные, они чувствуют себя отлично, но на суше они становятся неуклюжими, неповоротливыми, потому что ласты — это всё-таки не ноги.

Морские львы питаются рыбой. Они глотают её целиком, не жуя, потому что у них очень редкие зубы. Они всегда стараются глотать рыбу с головы, чтобы не оцарапать себе пищевод костями и плавниками.

Иногда морские львы выбирают на сушу и громадными стадами располагаются на берегу. Днём они играют на солнце, а ночью спят, положив головы друг на друга.

Вот тогда-то и хорошо за ними охотиться. Ночью охотники, вооружённые дубинами с острыми гвоздями, тихонько гуськом ползут против ветра к тому месту, где расположилось стадо. Охотники стараются ползти так, чтобы отрезать морским львам путь к отступлению, к воде. Потом они сразу вскакивают и с шумом и гамом, стреляя в воздух, бросаются на спящих животных.

Перепуганные морские львы спросонок кидаются в разные стороны. Тех, которые добираются до воды, уже не поймаешь. Охотники бросаются к остальным и гонят их подальше от воды — к селению или загону.

Так были пойманы и мои друзья, которые сейчас стоят вместе со мной

на арене перед публикой.

Публика встречает их аплодисментами. Львы взбираются на тумбы.

Для каждого отдельная тумба: для Лео, для Пицци и для Васьки.

Я подхожу к Лео и, будто мы с ним военные, прикладываю руку к козырьку — отдаю честь. Лео под смех всего цирка поднимает лапу и тоже «отдаёт мне честь».

— Как всё равно командир! — весело кричат дети.

А я протягиваю Лео руку:

— Здравствуй, Лео!

Лео не отказывается от «рукопожатия». Он дружески протягивает свой скользкий, гибкий лапу.

Я перехожу к Пицци:

— А ты, Пицци, сейчас мне скажешь, какая в азбуке самая первая буква.

Детский голос спрашивает:

— Мама, а разве тюлени умеют читать?

— Это не тюлени — это морские львы.

— Водяные?

— Да, да, водяные... Не мешай, смотри!

А Пицци вытягивает шею и глухим, горловым голосом отвечает:

— А-а-а...

— Правильно! — кричат в восторге дети и неистово хлопают.

Возвращаюсь к Лео:

— Покажи, пожалуйста, Лео, как люди воюют, как стреляют друг в друга.

Служители выносят на арену подставку. К ней приделано ружьё с верёвкой. Лео подбегает к подставке, берёт зубами верёвку и под команду «Пли!» дёргает. Раздается оглушительный выстрел. Дети зажимают уши. Пицци жалобно кричит и трёт себе спину лапой, будто Лео попал в Пицци.

— А ведь наша Пицци-львица врёт, притворяется, — говорит карлик Ванька-Встанька.

Но Васька заступает за Пицци. Как он смеет обижать львицу Пицци?

Васька соскакивает с тумбы, широко раскрывает пасть и бежит за Ванькой-Встанькой. А Ванька со всех ног удирает.

Потом я говорю:

— Лео, ты будешь самым главным: позвони, чтобы начинали представление.

Служитель приносит тумбу с большим колоколом. Лео подбегает к

тумбе и звонит.

Детишки рады.

— Лео — самый умный из всех! — кричат они.

Это правда: Лео — самый умный.

Я беру большой резиновый мяч и бросаю его Лео. Лео не зевает. Он носом отбивает мяч обратно, ко мне. Мы начинаем весёлую игру. Лео хорошо отбивает мяч. В награду я даю ему рыбку. Лео съедает рыбку, потом подхватывает мяч носом, держит его на носу, подбрасывает и снова ловит его на кончик носа. Это нелегкий номер, не всякий сделает.

Тут выбегает на арену Ванька-Встанька. Дети встречают его как старого приятеля:

— Опять Ванька-Встанька!

— Опять маленький человек!

— Не маленький человек, а карлик!

А Ванька-Встанька толкает Лео и пищит:

— Эй, эй! Я тоже хочу играть в мячик!

Васька слезает с тумбы, карлик удирает, а Васька спешит за ним, прогоняет забияку. Потом он с довольным видом возвращается на место.

Я беру ящик с надписью «Касса» и говорю:

— Смотри, Лео, здесь у меня касса, я кладу в неё золотую рыбку. А ты — кассир. Стереги рыбку, никому не давай. Я потом приду проверю!..

Я ставлю ящик на землю и отхожу. Не долго думая, «кассир» подбегает к кассе, открывает носом крышку, достаёт рыбку и съедает её.

Но Ванька-Встанька тут как тут:

— Караул, караул! Лео рыбу ворует!

Лео бросается наутёк. Но меня не проведешь. Я строго говорю:

— Где рыбка, кассир? Куда дел рыбку?

Лео ложится на спину и бьёт себя ластом по животу, будто хочет сказать: «Вот где твоя рыбка!»

Зрители смеются.

А Васька прогоняет доносчика-карлика.

Как Лео учил Ваську

Сначала у меня было только два льва: Лео и Пицци, а Ваську я купил потом, в Петербургском зоологическом саду. Там его ничему не учили. Он был дикий, угрюмый и не поддавался дрессировке. Только я, бывало, подойду к его помещению, как он моментально — бултых в воду от меня.

Я решил: пускай сперва попривыкнет — и поместил его в один бассейн с Лео.

Лео не очень был рад новому квартиранту. Сначала они дрались, но потом привыкли, примирились и зажили в согласии.

Однако Васька по-прежнему оставался угрюмым и невесёлым.

Когда я подходил к бассейну, Лео выскакивал на площадку и приветствовал меня радостным криком. Васька же боязливо высовывал голову и недоверчиво поглядывал на меня. Если же я бросал Лео рыбку, Васька сердито оскаливал зубы.

Но время делало своё. Вот уже Васька, получив рыбу, несмело кладёт голову на площадку, а вот он даже решается сидеть на площадке. Это было большим завоеванием.

В то время я вёл свои обычные репетиции с Лео, который был очень способным учеником.

Начиналась репетиция так: клетка Лео открывалась; Лео выскакивал из воды и по дощатому скату сползал на арену; там он взбирался на свою тумбу и ждал приказаний. Васька же дальше порога клетки не шёл. С завистью поглядывал он на Лео, но выйти из клетки не решался.

После работы Лео, наевшись рыбы, с важным видом возвращался к себе в клетку, а голодный Васька только щелкал зубами.

Прошло несколько дней. И вот раз, когда мы с Лео только начали репетицию, я увидел, что Васька спускается по скату на арену. Он подполз к тумбе Лео, но взобраться на неё не решался.

Вдруг Лео обернулся, заметил Ваську, соскочил с тумбы, ткнул носом Ваську, будто желая его подбодрить, и вернулся на место.

Я бросил Ваське рыбу. Он поймал её на лету. Я сделал неосторожный, резкий шаг и спугнул Ваську. Он повернулся, собираясь удрать. Тут произошла невероятная вещь: Лео снова соскочил с тумбы и храбро загородил Ваське дорогу.

Странно было видеть маленького Лео, стоявшего в воинственной позе рядом с громадным Васькой. Лео уперся носом в товарища, как бы говоря: «Стоп, ни с места!»

Он попридержал Ваську, а потом вернулся на место. Я бросил Лео рыбу. Он поймал её и оглянулся на Ваську с коротким лаем, будто хотел сказать: «Иди, не бойся, тоже получишь!»

И Васька смело двинулся к тумбе.

Я с удивлением следил за тем, как одно животное давало урок другому. Этого я ещё не видал!

Начиная с этого дня ученье Васьки пошло успешнее.

Один раз после представления я решил провести репетицию со своими морскими львами. Я зажёл электричество и взялся за работу. Васька и Лео с важностью расселись на тумбах.

Я взял мячик и бросил Лео. Лео носом ловко отбросил мяч обратно. Я бросил мячик Ваське. Васька пришёл в ужас. Точно ужаленный, сорвался он с тумбы и полез через барьер в места для публики.

Вот он уже перелез через второй ряд кресел. Хорошо, что в цирке никого не было, а то поднялся бы немалый переполох.

Тут на выручку пришёл Лео: он побежал в проход между рядами и загородил Ваське дорогу. Васька застыл с разинутой пастью. А Лео начал осторожно и нежно тереться мордой о шею Васьки. Ласка подействовала.

Васька успокоился и с коротким лаем, переваливаясь, вернулся вслед за Лео на арену.

Лео взобрался на своё место и стал ждать награды. А Васька не пошёл к себе. Он прижался к тумбе своего учителя Лео — и ни с места.

Лео это не понравилось. Он сразу меняет обращение с учеником. О ласке и помину нет. Строго оборачивается он к непослушному ученику и скалит зубы. Васька волей-неволей отправляется к своей тумбе.

Я пробую бросить мяч по-другому. Я бросаю его Лео через Ваську — пускай Васька сначала привыкнет к движению мяча.

Васька снова пробует дать тягу, но Лео зорко следит за ним. Чуть что — Лео тут как тут и загораживает беглецу дорогу.

Мяч летает в воздухе всё ниже и ниже, всё ближе и ближе к Ваське. Наконец мяч налетает на него. Васька быстро хватает резиновый мяч редкими, острыми зубами, прокусывает его и с остервенением бросает в сторону. Я даю ему рыбу — он успокаивается.

Для того чтобы приручить Ваську, я стал часто поглаживать его. И вот правой рукой я подношу ему рыбу, а левой чуть-чуть прикасаюсь к его шее. Мало-помалу Васька привыкает к моей руке. Он даже позволяет похлопывать себя по спине.

Так я подружился с диким, озлобленным Васькой и снова принялся за опыты с мячом.

Вот мы с Васькой на арене. В правой руке у меня рыба, а в левой — мяч. Васька с жадностью хватается за рыбу. Но мяч ему ненавистен. Он с яростью отталкивает его зубами.

Тут снова на помощь приходит Лео: он слезает с тумбы, подползает к мячу и, уткнувшись в него носом, остаётся лежать в таком положении несколько секунд. Этим он показывает Ваське, что мяч не следует кусать и что бояться его нечего.

С помощью Лео я добился успеха. В конце концов Васька усвоил науку и проделывал почти всё то, что и его учитель — морской лев Лео.

Пицци-водолаз

Раз я сидел возле бассейна и наблюдал, как резвятся в воде мои морские львы. Вот Пицци нырнула в глубину, потом вынырнула — показалась её тёмная скользкая голова. Она жмурилась, фыркала; с неё текла вода.

Я позвал ласково:

— Пицци!

У меня мелькнула мысль: нельзя ли её, как собаку, выучить доставать брошенный в воду предмет? Я достал гайку, насадил на палку и бросил в бассейн. Тяжёлая гайка увлекла палку на дно.

— Пицци, аппорт! — крикнул я, как кричат собакам-водолазам.

Пицци не сразу поняла, в чем дело, но после недолгого обучения — через полчаса — она нырнула и вернулась, держа в зубах палку с гайкой.

Конечно, в награду она получила большую порцию рыбы.

Я решил опыт усложнить. Я бросил палку незаметно, так, чтобы Пицци не видела, затем крикнул:

— Шерш! Ици!

Морская львица тотчас же скрылась в мутной воде. Найдёт ли?

Через минуту Пицци вынырнула. В зубах у неё была палка. Молодец, Пицци!

Я вынул из кармана портсигар и бросил его в воду:

— Шерш, Пицци!

Пицци послушно отправилась на дно. После недолгих поисков она принесла портсигар.

Так Пицци стала «водолазом».

Потом я бросал в бассейн куски железа, завернутые в тряпки. Каждый день я прибавлял железа, а Пицци всё доставала. В конце концов она стала поднимать со дна бассейна тряпку, в которой было больше двадцати фунтов железа. Тут я слово «шерш» (ици) переменил на «спасай».

И вот раз я принёс большую куклу, в рост человека. Вместо головы у нее был надутый бычий пузырь с нарисованными масляной краской глазами, носом и ртом. Пузырь не давал кукле тонуть. При слове «спасай» Пицци скользнула по воде и... схватила зубами пузырь. Острые клыки моментально разорвали тонкую плёнку, воздух из пузыря со свистом

вышел, и кукла потонула.

Пицци вернулась ко мне, ожидая награды. Конечно, я ей ничего не дал за такое «спасение». Она была разочарована.

Достать куклу и приделать новую голову-пузырь было делом одной минуты. И вот кукла снова на воде, и я снова кричу:

— Пицци, спасай!

И что же! Умное животное догадалось, что нельзя, спасая куклу, хватать её за голову. Пицци притащила «утопающую», крепко держа её за край платья.

Теперь она свою награду вполне заслужила.

В следующий раз я привесил к кукле грузило, и она ушла на дно. Я крикнул:

— Пицци, спасай!

Львица кинулась в глубину бассейна. Через несколько минут показалась её голова. В зубах она держала распростёртое чучело.

Когда Пицци вполне усвоила слово «спасай», в воду полез карлик Ванька-Встанька.

Я крикнул:

— Пицци, спасай!

Моментально Пицци кинулась к карлику, схватила за рубаху и вытащила Ваньку-Встаньку «на берег». Он отфыркивался:

— Вот это водолаз! Только уж очень быстро, даже искупаться не дала!

За карликом полез в воду мой помощник. Пицци и его тоже «спасла».

Помощник сказал:

— А что, ведь если её обучить, она будет спасать и настоящих утопающих!

Я и сам об этом подумывал.

А Пицци, наевшись, снова нырнула в воду и принялась там резвиться и забавляться со своими товарищами — Лео и Васькой.

Грандиозный концерт

Иногда мы устраивали концерты. Я выходил на арену, раскланивался и объяснял:

— Сейчас будет выступление знаменитого мирового оркестра. Мировые музыканты исполняют оперу «Кто в лес, кто по дрова». Артисты, пожалуйста, прошу на сцену!

«Артисты» выходят на арену.

На правый ласт Лео надевается кожаный футляр. К коже пришита камышовая палочка с войлочным набалдашником. Лео будет барабанщиком. К его тумбе подставляется большой барабан. К тумбе львицы Пицци пристраивается автомобильный рожок.

Я командую:

— Играй!

Пицци нажимает ластом на рожок и трубит, Лео бьёт в барабан, а Васька хлопает лапами — аплодирует.

Вдруг выходит громадный слон Бэби. Он подходит к шарманке, хватается хоботом за ручку и давай вертеть. Шарманка играет весёлую песню.

Но это не весь оркестр. Нет самого главного — певца.

Я командую:

— Приведите запевалу!

На арену выходит «запевала». У него четыре ноги, хвост и длинные уши. Я встречаю его:

— Пожалуйста, знаменитый маэстро! Надеюсь, сегодня вы в голосе?

Вы, наверно, догадались, что это осёл. Он взбирается на особую платформу. Там устроен пюпитр с деревянными «нотами» и медные тарелки. «Маэстро» запекает диким голосом:

— Ио-ио-ио!..

Публика хохочет. Осёл, не смущаясь, ревет:

— Ио-ио-ио!

Он перелистывает мордой деревянные листы «нот», а копытом бьёт по тарелкам.

Грандиозный концерт начинается.

Слон играет на шарманке, осёл — на тарелках, Лео — на барабане, Пицци — на автомобильном рожке, а Васька — за дирижёра: он размахивает лапами в такт музыке.

Стараясь перекричать звериную музыку, я громогласно объявляю:

— А сейчас выступит знаменитая балерина и протанцует вальс!

На арену выбегает жёлто-розовый пеликан. Публика встречает птицу аплодисментами. Пеликан под звуки невообразимой музыки начинает кружиться по арене: он машет крыльями, подпрыгивает, изгибается и всё кружится, кружится, как будто на самом деле вальсирует.

Дети восторженно кричат:

— Пеликаша! Пеликайчик!..

Я командую:

— Стой!

Моментально все останавливаются. Музыка затихает. Начинается разъезд музыкантов. «Великий маэстро» с длинными ушами уходит с арены. Ванька-Встанька уводит пеликана, а Лео и Пицци важно садятся в коляску, и Васька увозит их с арены на конюшню.

Бэби подходит ко мне, схватывает хоботом поперёк тела и осторожно сажает на голову. И я торжественно уезжаю на слоне, посылая публике воздушные поцелуи.

Цирк дрожит от аплодисментов:

— Браво!

— Бис!

— Браво!

Мы с Лео выходим «на бис». Лео садится на тумбу, кланяется и бьёт ластом о ласт. Я кричу:

— Катайся, Лео!

Лео ложится плашмя на песок, прижимает ласты «по швам» и начинает кататься по арене.

Вот они у меня какие — Пицци, Лео и Васька!

КАШТАНКА, БИШКА И ЗАПЯТАЙКА

Вы читали рассказ А. Чехова «Каштанка»? В этом рассказе говорится о собаке Каштанке. Она жила у столяра. Потом она пошла гулять по улицам и заблудилась. Её подобрал артист из цирка, назвал Тёткой и научил выступать на арене. И вот один раз, когда она выступала в цирке, с галёрки вдруг кто-то крикнул:

— Каштанка! Каштанка!

Каштанка, как только услышала голос, бросилась на галёрку. Там, оказывается, сидел её прежний хозяин-столяр.

Эта история случилась со мной. Это я нашел Каштанку; я её дрессировал и выступал с ней, я же и рассказал про неё Антону Павловичу Чехову. Но теперь про Каштанку я рассказывать не буду: лучше Чехова мне не написать. А я расскажу вам про Бишку.

Бишка была обыкновенной дворняжкой. Но это не помешало ей стать замечательной артисткой.

Однажды я играл на пианино. На кресле, свернувшись калачиком, дремала Бишка.

Вдруг меня кто-то толкнул. Не переставая играть, я отодвинул ногу. Через минуту снова толчок. Смотрю — Бишка.

— Тебе чего, Бишка?

Бишка молчит. Я продолжаю играть. Бишка снова трогает меня лапой.

«Неужели у собаки музыкальный слух? — подумал я. — Надо проверить».

Я начинаю играть грустный-прегрустный мотив. И что же? Собака вздыхает, смотрит на меня печально, в глазах слёзы.

Я перехожу на весёлый, бодрый марш. Уши Бишки поднимаются, глаза блестят. Я убедился: у Бишки неплохой музыкальный слух.

Бишка отлично исполняла мои приказания. Я, например, приказываю:

— Пойди в ложу, вон к тому военному, и возьми его за третью пуговицу сюртука.

Бишка бросается в ложу и в точности всё исполняет. Я обращаюсь к публике:

— Моя Бишка — прекрасный музыкант! Пускай кто-нибудь скажет, какую ноту взять на рояле.

Из публики кричат:

— Ре!

- Фа!
- Соль!
- Фа!
- Пускай фа... Бишка, возьми ноту фа! — говорю я.

Умная собака подходит к роялю, поднимает лапу и бьёт по клавише.
Публика прислушивается:

— Правильно, фа, фа!..

— Кроме того, — объявляю я, — моя Бишка ещё и хороший математик. Смотрите, вот плакатики с цифрами. Какую цифру вы закажете Бишке?

- Три!
- Пять!
- Шесть!
- Восемь!

— Пускай будет восемь... — говорю я. — Бишка, будьте любезны, принесите нам плакатик с цифрой «восемь». Только не спутайте.

Бишка подбегает к плакатикам, перебирает их лапами, выхватывает цифру «восемь» и в зубах приносит ко мне.

Кроме Бишки, у меня была ещё такса Запятайка. Она тоже была неплохим математиком. И к тому же она отлично знала географию.

Она уж не спутает Каспийское море с Балтийским!

— Будьте любезны, уважаемый профессор Запятайка, — обращаюсь я к таксе, — укажите нам, пожалуйста, где находится Белое море, а то мы не знаем.

«Профессор» бросается к разложенной на арене карте и лапой и мордочкой указывает Белое море.

Публика хохочет:

- Сразу видно, что профессор бывал на Севере!
- Он, наверно, и Северный полюс открывал!

— Запятайка — знаменитый полярный путешественник!

Однажды она, Запятайка, спасла всех бродячих собак города Пензы.

Это было ещё при царе. Мы тогда жили в городе Пензе. Я пошел к губернатору просить разрешения устроить спектакль. Самого губернатора я не застал. В кабинете сидел его помощник.

Едва только я изложил своё дело, как вдруг вошла дама, расстроенная, со слезами на лице. Помощник губернатора (вице-губернатор) при виде дамы поднимается и спрашивает:

— Что вы плачете, мадам?

А та отвечает:

— Ах, ах!.. Я видела на базаре... Это прямо ужасно... Городовые гоняются за бродячими собаками, безжалостно набрасывают на них петли и уводят их куда-то. Бедные собаки визжат... Такое мученье! Почему вы позволяете городовым мучить собак?... Неужели нельзя что-нибудь сделать?

— Хорошо бы это прекратить, — сказал я.

— Не от меня зависит, — ответил помощник. — Это зависит от самого губернатора. Обратитесь к нему. Приходите и вы, — повернулся он ко мне, — как защитник животных: заступитесь за собак. Я скажу, чтобы вас приняли.

Я согласился. Я придумал маленькую хитрость. Запятайка — вот кто спасёт от смерти своих товарищей, пензенских бродячих собак!

Вечером я очутился в роскошной квартире губернатора. Разговор зашёл о собаках.

— Вы знаете, — говорю я, — есть очень интересные случаи, когда собаки исполняют разные внушенные им поручения.

— Жалко, — сказал губернатор, — что этого нельзя проверить.

— Почему же? — ответил я. — Я могу сейчас же послать за моей Запятайкой, и мы тут же на месте всё проверим.

— Давайте, давайте, — сказал губернатор.

Привели Запятайку. Губернатор стал выдумывать:

— Эээ... пусть она... эээ... возьмёт щётку с игрального стола...

Через минуту Запятайка, виляя хвостом, принесла в зубах щётку.

— Эээ... пусть она пойдёт в соседнюю комнату и проведёт лапкой по клавишам пианино!..

Эта задача тоже была выполнена в точности.

— Замечательно! Эээ... необыкновенно! — повторял губернатор, а за ним и все гости.

— А теперь, — сказал я, — разрешите моей собаке сделать то, что ей

самой хочется.

— Ладно, — сказал губернатор.

Запятайка застучала лапками по паркету. Она помчалась в переднюю к вешалке. Порылась в моём пальто, вытащила свёрнутый лист бумаги и с бумагой в зубах понеслась обратно к губернатору.

Затем Запятайка уселась перед губернатором и протянула бумагу.

— Что такое? — удивился губернатор. Он взял бумагу и стал читать: — «ПРОШЕНИЕ. Мы, бездомные пензенские собаки, имеем честь просить через госпожу Запятайку...»

Все засмеялись. Губернатор сказал:

— Какая заступница! Они просят пощады... Ээээ... чтобы их не ловили арканом.

И тут же написал на прошении:

«Собачье ходатайство удовлетворить».

У ТОПТЫГИНА В ЛАПАХ

Это было давно, лет двадцать пять назад. У меня тогда был громадный медведь, ручной и очень добродушный. Чего только он у меня не проделывал! И танцевал, и ходил по бутылкам, и вино пил (на самом деле это было, конечно, молоко), и на тройке сибирских собак катался...

Но однажды мне чуть-чуть не пришлось поплатиться жизнью из-за моего добродушного Мишки.

За медведем ухаживал один из служащих, Гребешков. Но Гребешков плохо обращался с медведем и с другими моими животными. Я долго терпел, но наконец сказал:

— Послушайте, я вас больше держать не могу. Берите расчёт и уходите подобру-поздорову. Из-за вас мои звери теряют доверие к человеку. Вы уничтожаете всю мою кропотливую работу!

Он усмехнулся и, видно, подумал:

«Ладно, как-нибудь обойдётся! Кто же без меня наденет на медведя цепь и выведет его на арену?»

Но я не шутил. Я решил обойтись без этого служащего.

По городу уже были расклеены афиши:

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

ДРЕССИРОВАННЫЙ ВЕЛИКАН

МИШКА ТОПТЫГИН!

Друзья говорили мне:

— Отложите медвежий номер. Не надо рисковать: как бы не задурил ваш Мишка без служащего, к которому он привык.

Я засмеялся:

— Что вы толкуете! Мой Мишка — ведь это само добродушие. При чём тут служащий? Разве он не знает меня, мой Топтыгин?

— А мы всё-таки не пойдём смотреть вас сегодня, — говорили они. — Что-то страшно.

— Как хотите!

Перед спектаклем я, как всегда, отправился проверить, на месте ли сторожа. Цирк стоял в саду. В тёмном углу, у входа в конюшню, я заметил человека. Он метнулся в сторону и быстро скрылся за деревьями.

«Кажется, это Гребешков, — подумал я. — Впрочем, может быть, и не он».

Потом я занялся гримом, переодеванием и забыл о Гребешкове.

И вот я на арене. Показываю публике своих друзей. Дошла очередь до Мишки.

Михаил Иванович, как всегда, выполнял всё, что я требовал: он скользил по столбу, ходил по бутылкам, танцевал под музыку вальс. Номер подходил к концу.

Топтыгин должен был сесть в коляску, взять из моих рук бутылку с молоком, уехать на собаках на конюшню.

Тройка сибирских собак подана. Я подвёл Мишку к экипажу. Он сел. Я забросил цепь ему на спину и подал бутылку.

Вдруг Мишка нагнулся, открыл пасть и крепкими зубами вцепился в мою левую руку, немного ниже плеча.

Публика в ужасе закричала. Медведь, не выпуская руки, обнял меня и подмял под себя.

Служащие растерялись. Один из них бросился наверх, к музыкантам, и стал оттуда бросать медведю маленькие кусочки хлеба, будто птичке.

Публика заметалась по цирку. Все старались пробраться к выходу. Со всех сторон раздавались крики:

— Задавил!

— Медведь!

— Спасите!

Усатый городской забрался на галерею. Там, наверху, он храбро размахивал своей шашкой. Нарядные, важные дамы сидели верхом на барьерах лож; шляпки их съехали набок; дамы кричали и плакали...

Медведь не отпускал меня. Один из артистов схватил на конюшне навозные вилы, ткнул ими сзади медведя. Впрочем, он тотчас же бросил вилы и убежал.

Медведь заревел от боли, оставил меня и кинулся в публику.

Моментально толпа очистила всю правую сторону цирка. Тогда медведь бросился влево.

Тут я поднялся. На мне был костюм из плотного шёлка. Зубы медведя не очень повредили мне. Я закричал что было силы:

— Успокойтесь! Займите места! Представление продолжается!

Я бросился к медведю и ударил его ногой. Он встал на задние лапы и

медленно пошёл на меня...

Я пристально смотрел в его глаза. Я чувствовал: во чтобы то ни стало мне надо увести его с арены. Я пятился. Медведь шёл на меня. Я властно кричал:

— Алле! Алле!

Мой голос повлиял на медведя. Нам надо было с ним пройти через всю арену. Медведь явно выражал желание оставить меня и броситься туда, где слышались женские голоса и визг детей. Он особенным образом рычал, глотал слюну и косил тёмными глазами. Но я кричал:

— Алле! Алле!

Медленно-медленно я пятился к конюшне, медведь на задних лапах шёл за мной.

Наконец мы в конюшне. Под ногами — покрытые сеном доски; где-то рядом тревожно стучат лошадиные копыта. Я кричу ещё раз:

— Алле! На место!

И медведь, поджав уши, опускается на все четыре лапы и уходит в свою клетку.

Одним прыжком я подскакиваю к клетке и закрываю её. Тут силы покидают меня. Голова кружится. Я почти теряю сознание. Потом я прихожу в себя и только тогда начинаю чувствовать сильную боль в руке.

Почему же вдруг добродушный Мишка кинулся на меня?

Я нашёл около медвежьей клетки пузырьёк. В нём были остатки чего-то красного. Я посмотрел: оказалось — кровь.

Так вот в чём дело! Гребешков решил отомстить мне за то, что я уволил его. Он достал живого голубя, зарезал его и голубиной кровью за час до выступления напоил медведя. Кровь сильно действует на зверей. Когда я дал медведю бутылку с молоком, он, наверно, вспомнил про кровь, и ему захотелось ещё. Он и кинулся на меня.

Потом мы с ним опять подружились. Он больше никогда не кидался на меня.

БОРЬКА И СУРКА

Теперь я расскажу о барсуках. Первые мои барсуки были пойманы около Астрахани. Их звали Борька и Сурка.

Борька стал отличным «артиллеристом»: он быстро научился стрелять из игрушечной пушечки. А Сурка умела перелистывать книги.

Но лучше всего были танцы барсуков. Особенно отличалась Сурка. Она ловко кружилась на одном месте, так что получалось нечто вроде вальса.

Иногда Борька и Сурка танцевали вместе. Они даже разучили первую фигуру кадрили: танцевали, стоя друг перед дружкой, потом отходили и снова сходились.

Жили они недолго. Однажды я собрался с ними на нижегородскую ярмарку, в город Горький, который тогда назывался Нижним Новгородом.

Мы поехали туда на пароходе. Барсуков и других зверей я устроил на корме, а сам сидел на верхней палубе, любовался берегами и простором Волги. Я задумался и не заметил, как ко мне подошел капитан.

— Я вижу, — сказал он, — вы везёте много зверей. Чем вы порадуете публику на ярмарке? Какой новинкой?

Я улыбнулся:

— Я везу двух барсуков. Они у меня образованные: перелистывают книги, чуть-чуть не читают. Кадриль танцуют.

— Интересно было бы с ними познакомиться, — сказал капитан.

Мне не хотелось отказывать капитану.

— Что ж, можно, — ответил я. — Сейчас я их приведу. Прошу любить и жаловать!

И я пошёл за клеткой.

Скоро клетка с барсуками стояла на верхней палубе, и капитан с любопытством рассматривал зверьков.

— Пускай они немножко погуляют по палубе, — сказал я и решил открыть клетку.

Тут случилось нечто неожиданное.

Едва только я приоткрыл дверцу клетки, как Борька и Сурка выскочили на палубу, бросились за борт и, прежде чем я успел опомниться, исчезли в волнах...

Пароход продолжал быстро нестись против течения. Капитан сказал:

— Мне очень жаль, что из-за меня погибли эти зверьки. Я готов

остановить пароход, но ведь это бесполезно: ваши барсуки уже погибли.

Бедные Борька и Сурка! Они утонули! Я бросился в каюту, упал на постель и зарыл лицо в подушки. А пароход всё двигался вперёд и вперёд...

Через несколько месяцев я собрался на охоту в Голицыно, под Москвой. Со мной поехал мой большой друг и опытный охотник. Мы решили поохотиться на барсуков. Мой друг дорогой рассказывал мне о скрытной, одинокой жизни барсуков, о том, как трудно наблюдать за ними на воле.

— Барсук, — говорил он, — ночное животное. Большую часть дня он проводит в своей подземной норе.

Мы шли по лужайке. С нами была собака, фокстерьер, на цепи. Вдруг фокстерьер натянул цепь. Глаза его загорелись, уши встали. Он захрипел и стал рваться вперед, к опушке.

Мы увидели большой бугор.

— Там, в бугре, — сказал мой друг, — в песчаном слое, барсук устроил себе квартиру из нескольких комнат со всеми удобствами. Там есть общий зал, кладовая, главный — парадный, так сказать, — ход и четыре запасных. Всё это барсук вырывает своими крепкими кривыми когтями.

Мы спустили с цепи фокстерьера. Он тотчас же бросился в один из входов и ушёл под землю.

Мы притихли. Я лёг и приложил ухо к земле. Вдруг где-то там, глубоко, раздалось тьяканье собаки.

— Нашла! — прошептал мой друг.

Мы стали быстро копать в этом месте. Копать было нелегко: то и дело попадались камни. Наконец мы добрались до песка.

Вдруг из другого входа, совсем не там, где мы копали, выскочил фокстерьер. Он был весь измазан землёй. Тревожно понюхав воздух, он обежал вокруг бугра и снова скрылся в одном из ходов.

— Пожалуй, теперь мы его не найдём, — сказал мой приятель. — Барсук, верно, успел зарыться в один из запасных ходов-тупиков.

Всё же мы продолжали копать. Наконец мы добрались до пустого места в песке. Образовалась дыра. Мы засунули туда длинную палку. Но тут мы услышали лай совсем в другом месте. Пришлось эту яму бросить и взяться за новую. Работа шла медленно. Мы порядком устали. Грунт был твёрдый, то и дело заступ гремел о камни. Потом наступил вечер, стало темно. Пришлось прервать работу.

Так я и уехал в Москву ни с чем. Очень уж ловко прячутся барсуки...

Потом мне всё же удалось купить у одного охотника трёх маленьких

барсучат. Они были ещё слабенькие: задние ноги у них разъезжались при ходьбе.

Я поместил их в клетку. Они свернулись в клубок и заснули. Я поставил им в клетку блюдечко с молоком. Утром посмотрел — молоко не выпито, блюдечко опрокинуто. Когда барсуки проснулись, я им дал хлеба с молоком, но они ничего не ели, а только все разбросали носами и лапками. Я налил в пузырёк молока, натянул резиновую соску и дал её барсучкам. Д они не хотят сосать, не умеют.

Так прошёл день.

На следующее утро я снова застал их спящими. Я опять стал кормить их тёплым молоком из соски. Наконец двое из них поняли, в чём дело, и принялись кое-как сосать. Третий же был совсем слабенький, не мог сосать и оставался без еды.

На третий день два барсучка, которые были посильнее, уже сами тянулись к соске и высосали по полстакана молока. А тот, слабенький, так и оставался лежать без движения. Как я ни бился, не мог его научить сосать. Так я кормил их несколько дней. Слабенький барсучок заболел, захирел и вскоре околел. А те два с жадностью набрасывались на молоко, ссорились между собой, ворчали, хрюкали.

В честь прежних своих барсуков я этих тоже назвал Борька и Сурка.

Борька был большой забияка.

Он прогрызал соску, нападал на Сурку, разливал молоко. В конце концов Сурка тоже заболела и погибла.

А забияка Борька до сих пор счастливо живёт у меня. Соску я ему больше не даю, а то он моментально её разгрызает. Сначала я давал ему хлеба с молоком, а потом стал кормить мясом.

Я познакомил его с собачкой Пепо. Они очень подружились. Когда Борьку выпускают из клетки, он убегает в сад и затевает игру с Пепо. Они долго играют.

Борька очень любит играть с собачкой. Но как только я его зову, он послушно возвращается в клетку.

Этот Борька легко научился делать то, что умел тот Борька, первый: он танцует, перелистывает книги. Но, кроме того, он ещё у меня вертит барабан, пристроенный к маленькой шарманке. Этой музыкой начинаются его выступления.

Потом я выучил Борьку вытаскивать ведро с водой из маленького колодца. Но лучше всего у моего Борьки получается кувырканье через голову. Дети в цирке очень любят смотреть, как Борька кувыркается на арене. Они кричат: «Бис! Бис!»

А Борька всё кувыркается и кувыркается...

ЕЖИ РУКАВИЦА И КАТУШКА

До меня ещё никто никогда не дрессировал ежей для выступления в цирке. Я купил двух ежей. Одного назвал Рукавицей, а другого — Катушкой. Поселился я с ними в гостинице. Ранним утром меня разбудили:

— Послушайте, хозяин ругается!

Я протираю глаза:

— Что такое? Пожар?

— Хозяин, говорю, ругается.

— За что ругается? В чём дело?

Передо мной служащий гостиницы. Он почесывает затылок и жалуется:

— Да всё насчет ежей ваших... И хозяин ругается, и гости обижаются. Вот и сейчас... не угодно ли послушать?

Я прислушался. За стеной раздавались визгливые женские голоса:

— Это невозможно! Я отсюда уеду!!! Какой-то свинушник, а не гостиница!..

— Слышите? — говорит служащий.

В дверь постучали. Вошёл хозяин гостиницы:

— Пожалуйста, освободите номер. Все гости обижаются из-за ежей! Терпеть, говорят, невозможно. Да после вас и номера никто не возьмёт вашего.

Я отвечаю:

— Но ведь я сделал всё, что вы требовали! Вычистил номер и даже купил на свой счёт линолеум.

Хозяин машет рукой:

— Они и новый мигом загадят, ежи ваши! Нет, как хотите, а съезжайте. Держать я вас больше не могу.

Пришлось нам с Рукавицей и Катушкой перебираться в другую гостиницу. Через день там повторилась та же история. Так нас гоняли с места на место.

Всё же мне удалось кое-чему научить ежей. Ежи в цирке — большая новинка. Я терпеливо добивался дружбы с этими живыми колючками.

Я ставил Катушку на стол. Она сразу — в клубок. Часами я сидел около Катушки и ждал, когда же этот колючий клубок развернётся. Вот наконец Катушка «разматывается». Она высовывает из-под игл носик и частыми шажками бежит по столу.

Я угощаю её сырым мясом — ежи его очень любят. Чтобы ей удобнее было его есть, мясо нарезано длинными полосками — червяками.

Катушка быстро хватает мясного «червяка» и с аппетитом начинает жевать, ни на минуту не выпуская его изо рта. Мне кажется, если бы я дал ей червяка длиной в метр, она бы и такого съела без передышки.

Я старался приручить Катушку к себе. Левой рукой я давал ей мясо, а правую руку то приближал к ежу, то убирал. Таким образом я знакомил ежа со своими руками. Всё шло хорошо. Вдруг ветром захлопнуло форточку. Катушка испугалась стука и моментально превратилась в шар из иголок. Попробуй погладь её!

Опять жду, когда Катушка «размотается»...

Я купил ещё нескольких ежей.

Каждое утро я выпускал их на длинный стол. Там они пили молоко и ели мясо. Потом я заказал для ежей искусственный грот с двумя пещерами. Из пещеры в пещеру вела дорога. Грот поставили на четырёх столах. Я распределил роли между ежами, выпустил их на стол и начал знакомить с новой декорацией. Ежи должны были переходить из одной пещеры в другую — то группами, то в одиночку.

Потом я решил из ежей сделать артиллеристов. На сцене появились лёгонькие игрушечные пушечки. Они были прицеплены к передкам, а передки были на двух колёсиках, с тонкими деревянными оглоблями.

Но вопрос: как запрячь ежей? Колючки ежей не чувствуют боли, так же как наши волосы или ногти, а привязать к ним ничего нельзя: они очень гладкие, и нитка с них соскальзывает. Я думал, думал и придумал. Сделал из сургуча маленькие крючочки, разогрел их на свече и прикрепил к иглам, а на крючки надел готовые петли и оглобли.

Сначала ежи фыркали, «ёжились», не хотели запрягаться, но потом привыкли и ловко возили пушки и зарядные ящики. Наша «ежовая артиллерия» выступала с большим успехом. Ярким светом залита арена. Электрическими лампочками освещены гроты. Из гротов выезжают с пушками «артиллеристы». Я объявляю:

— Неприятель, дрожи: едут с пушками ежи!

И публика смеётся.

Я показывал «артиллеристов» в разных театрах. Все шло хорошо до тех пор, пока мне не вздумалось высмеять одного князя.

Тогда в России был царь Николай II. Николай дружил с болгарским князем Фердинандом Кобургским. Про этого Фердинанда рассказывали разные плохие вещи. Однажды, глядя на портрет Фердинанда, я заметил, что у князя длинный, крючковатый нос. Я подумал: «У моей Катушки нос

вроде как у Фердинанда — такой же длинный и Крючковатый. Вот бы хорошо выпустить её в роли болгарского князя!»

Я прицепил к иглам длинную сургучную саблю. Катушка с важностью прошла по дороге из одной пещеры в другую.

Так она и выступала вечером — с саблей. Я представил Катушку публике:

— Вот Кобургский Фердинанд, не признанный в Европе талант. Его длинный нос бородавками оброс. Как займётся политическим вопросом, так остаётся каждый раз с носом!

Публика хохотала. Катушка действительно была похожа на этого князя. Но тут ко мне явился городской и сказал:

— Вам за ваши глупые и дерзкие шутки навсегда запрещается показывать ежей!

Через несколько лет в России произошла революция, и я опять мог свободно выступать с ежами и другими животными.

ОБЕЗЬЯНА МИМУС

Михель меняет имя

В Гамбурге я купил маленького шимпанзе. Обезьянку звали Михель. Покупая шимпанзёнка, я расспросил бывшего хозяина, как надо обращаться с Михелем. Хозяин сказал:

— С Михелем нужна большая аккуратность. Во-первых, не давайте ему ничего холодного. У меня он питался неплохо. Утром — какао с молоком. Через два часа — фрукты: бананы, груши, яблоки, виноград. Через два часа — опять фрукты. Часа в четыре — рис, а вечером — снова бананы и груши. Не давайте ему чернослива — расстроит желудок... Да, — вздохнул он, — шимпанзёнок забавный, даже жаль с ним расставаться. Он очень любит играть. Он всё подмечает у людей, повторяет и скоро будет заядлым курильщиком.

— А разве он пробовал курить?

— Пробовал. Правда, пока только в шутку. Сторож как-то бросил ему в клетку трубку. Михель подхватил её, и пошла потеха. Он стал носиться с трубкой по клетке, набил её сеном, совал в рот.

Но вот принесли клетку с обезьянкой.

— Михель! — позвал я.

Никакого внимания.

— Михель! Михель!

Михель не отвечает. Он сидит неподвижно. Но как только я приподнял решётку, Михель пулей выскочил из клетки и стал носиться по комнате.

С большим трудом я поймал обезьянку. У меня на руках она сразу притихла. Я показал ей банан. Она равнодушно отвернулась и стала с

любопытством оглядывать комнату. Мы надели на шею Михеля ошейник с цепочкой. Шимпанзе стал рваться, хватаясь за мебель. Обрато в клетку Михель ни за что не хотел идти. Едва-едва удалось его туда посадить. Он кричал, упирался и защищался изо всех сил. Я опять стал его звать:

— Михель! Михель!

Он не шевельнулся.

— Какой он там Михель! — сказал я. — Он даже не знает своего имени. Надо ему придумать имя.

Я перебрал много имён: Джек, Том, Макарка... Всё это не подходило. Вдруг пришло в голову новое имя.

— Мимус! — крикнул я.

Обезьянка оглянулась, и я решил: пускай Михель будет Мимусом.

Теперь надо отвезти Мимуса в Россию. Как-то перенесёт он дальний путь? Я устроил его в багажном вагоне, в отделении для собак. Проводник затопил большую железную печь. Скоро собачье отделение нагрелось, и я был рад, что мой нежный и зябкий Мимус не будет мёрзнуть. Я поставил клетку, положил в неё матрасик, на матрасик — большой банан и сунул Мимуса за решётку. Он кричал, визжал и протягивал ко мне длинные руки. Но не могу же я ехать в собачьем отделении! Моё место — в пассажирском вагоне. Я побежал к себе. Колеса застучали. Бедный Мимус остался один, с бананом в утешенье.

Мимус поехал в Россию.

Ночью поезд остановился у маленькой станции. Я побежал к Мимусу. Темно. Где же он тут, в потёмках? Зажигаю спичку. На матрасике я вижу свернувшегося в комок Мимуса. Он спит. Рядом, у самого носа, — нетронутый банан...

Снова остановка. Утро. Я достал горячего чаю, налил в бутылку и пошёл к Мимусу. Ну и жарыща у него в собачьем отделении! Видно, проводник перестарался.

Мимус беспокойно бегаёт по клетке. Он смотрит на меня и будто говорит: «Выпусти меня на волю, мне надоело сидеть в тюрьме!»

Я собрался напоить его чаем и достал из кармана бутылку. Вдруг раздался свисток, колёса загремели, поезд тронулся... Я остался в собачьем отделении, наедине с Мимусом.

Здесь очень жарко, с меня ручьём льётся пот, в висках стучит. Но ничего не поделаешь. До следующей остановки добрых полтора часа.

Я открываю клетку. Мимус начинает стрелой носиться по вагону. Наконец он усаживается в углу, зорко глядит на меня. Я протягиваю ему бутылку. Он пристально смотрит на неё, но ближе не подходит. Я подношу

горлышко бутылки ко рту и глотаю чай. При этом я нарочно проливаю немного чаю на пол.

Мимус нюхает пролитый чай, тычется в него губами, трогает руками, лижет мокрые пальцы. Потом подходит ко мне и протягивает руку за бутылкой.

Я ему не даю. Я нагибаю бутылку, и чай снова льётся на пол. Мимус пьёт. Ему понравилось. Ему хочется ещё чаю. Он сильно ударяет ладонями об пол и потом с поднятыми вверх руками идёт на меня.

Вот он обеими руками ухватился за бутылку. Я сделал вид, будто не сумел её удержать. Он весело побежал с бутылкой по вагону. Не видя за собой никакой погони, он сел на пол, положил перед собой бутылку и стал внимательно смотреть, как интересно льётся из неё вкусный чай. Потом начал пить, прикладываясь то к луже, то к горлышку.

Наконец поезд замедлил ход — остановка. Надо быстро поймать Мимуса и посадить его в клетку.

Тут нам пришлось побороться. Он пустился наутёк, обхватив пальцами ноги горлышко бутылки. Я поймал его в углу. Вдруг его зубы впились в мою левую руку. Но я всё же усадил его в клетку вместе с бутылкой.

Мокрый, в испарине, я бежал вдоль всего поезда к своему вагону. Кругом ветер и снег. Я простудился. Совсем больной, я на следующий день бегал на остановках к Мимусу, поил его чаем, менял солому в клетке, сушил его одеяло у печки.

Так мы доехали до Москвы. Пока мы ехали, Мимус привык ко мне. Кроме того, он научился пить чай из горлышка бутылки. Чай навсегда остался любимым напитком Мимуса.

Я разыскал на чердаке высокий детский стульчик. Много лет сидела на нём моя дочь.

— Куда ты тащишь мой стульчик? — сказала она.

— На нём будет сидеть Мимус.

— Это что за Мимус?

— Шимпанзёнок!

Я показал ей Мимуса. Они познакомились.

— Мимус будет обедать с нами, — сказал я, прижимая к груди шимпанзёнка и поглаживая его по голове.

Мы сажаем Мимуса на стульчик, а цепь привязываем к спинке стульчика. Шимпанзёнок вскакивает и забирается с ногами на стол. Жена и дочь в ужасе:

— Он всю посуду переколотит! Он суп опрокинет на скатерть!

Я говорю:

— Сссс, Мимус, ссс...

Мимус соскакивает со стола и дергает цепь. Я снова усаживаю его на стульчик. Наконец он успокаивается. То и дело приходится поправлять его ноги. Трудное дело — сидеть на стуле! Сразу не научишься.

А Мимусу надо многому научиться. Жить среди людей не так-то просто: надо уметь правильно брать кружку с чаем, уметь справляться с ложкой и вилкой, есть аккуратно, не пачкая скатерти; надо знать много разных вещей.

Мимус встаёт в семь часов утра. До девяти он развлекается, бегая по комнатам. В девять часов он сидит за общим столом, рядом со мной, и пьёт сладкий чай. До двенадцати он резвится на диване, а в полдень — завтрак. Как видите, ему жилось у меня неплохо.

К завтраку — манная каша. Я даю Мимусу ложку. Он неумело схватывает её, поворачивает. Я поправляю и показываю, как нужно загребать кашу. Мимус беспомощно водит ложкой по тарелке. Потом он бросает ложку и берёт кашу рукой.

— Нельзя, Мимус!

Это ему не нравится. Я отнимаю тарелку. Мимус злобно кричит. Я кормлю его с ложки, потом снова вкладываю ложку в его руку.

В конце концов он стал есть ложкой. Сначала неумело и неуклюже, а потом научился ловко обращаться с ложкой. Он следил за тем, как бы не уронить кашу на скатерть.

С вилкой дело было сложнее. Мимусу всё не удавалось воткнуть вилку в яблоко или грушу. Он водил ею по фруктам, как ложкой, и мне долго пришлось поворачивать вилку в его руке. Но в конце концов он справился с этим сложным инструментом.

После завтрака Мимус играет или учится. Я выучил его обращаться со звонком. Поставил перед ним никелированный звонок и показал, как надо звонить. Я приложил палец к шишечке. Раздался звонок. Мимус испугался, вскочил, хватил по звонку ложкой, потом стал двигать его по столу и швырять.

— Нельзя, Мимус!

Он притих. На другое утро повторилась та же история.

Мимус не давал мне руку, никак не хотел учиться звонить.

Вдруг случайно он ударил кулаком по шишечке. Звонок задребезжал. Тотчас же к Мимусу придвинулась тарелочка с фруктами. Мимус посмотрел на тарелку, схватил грушу и ударил по звонку ещё раз. И сейчас же к нему протянулась моя рука с изюмом. Он поел вкусного изюма и снова — хлоп по звонку. Кружка со сладким чаем подъехала к самому носу

Мимуса.

И что же? Он быстро научился звонить. Ему это дело так понравилось, что пришлось отнять звонок, а то на него угощенья не напасёшься.

Потом я приучал его к словам: «Мимус, иди сюда!»

Тут мне помогла щётка. Обыкновенная щётка на длинной палке для обметания стен и потолка. Я свищу раз, и другой, и третий. После третьего свистка я кричу:

— Щётку!

В двери появляется страшное чудовище — щётка. Мимус с ужасом смотрит на мохнатое пугало, пятится и наконец со всех ног бежит ко мне искать защиты.

Мимус понял: всегда после крика «иди сюда» или после свистка появляется это страшное чудовище на палке. Значит, как только раздаётся призыв хозяина, надо бежать к нему, а то страшный зверь на длинной палке ещё схватит и утащит куда-нибудь.

И Мимус привык при первом же свистке бежать ко мне.

А что это за зверь там, в углу, где шкаф? Только что никого не было и вдруг там появилось волосатое, злое существо с цепью на шее. Мимус поднимает голову, и незнакомый зверь поднимает голову.

«Ну-ну, — думает Мимус, — я тебя не боюсь!» — и смело идёт на врага. Но враг не испугался — он тоже наступает на Мимуса. Мимус остановился — и тот остановился. Мимус отступил немного — и тот его передразнил: тоже отступил. Прямо как обезьяна! Мало-помалу Мимус привыкает к этому существу, которое повторяет каждое его движение. Это, пожалуй, вовсе даже не вредный зверь. Можно подойти к нему поближе. Мимус осторожно придвигается — зверь тоже осторожно придвигается. Мимус касается губами холодного стекла и, разочарованный, отходит от зеркального шкафа.

Мимус и Карлик

В большом зале у меня устроена горка. Наверху — тележка.

— Мимус, — говорю я, — хочешь покататься?

Я сажаю его в тележку, но он упирается и лезет ко мне на грудь.

— Ну, тогда посмотри, как я буду... Поучись.

Я поставил тележку на горку и толкнул её. Тележка с шумом покатилась и ударилась о стенку. Мимус внимательно посмотрел на тележку, потом подошёл к ней. Он толкнул её кулаком, а сам на всякий

случай отскочил. Тележка покати́лась.

Через минуту Мимус смело играл с тележкой. Он катал её с горки, хватал её на лету, возил её по полу. Мы все следили за этой милой игрой. Потом я сказал:

— Давай, Мимус, вместе играть!

Я раз семь катал тележку вверх и вниз по горке, потом показал Мимусу на дно тележки:

— Садись, прокачу!

Мимус уже освоился с тележкой и спокойно влез в неё. Но только я к нему подошёл, он как прыгнет! Я взял обезьянку за цепь и снова посадил в тележку. Мимус покорно сидел, держась одной рукой за борт своего экипажа, а другой — за цепь. Так он и съехал.

После этого он скоро сам научился кататься с горы. Он втаскивал тележку наверх, усаживался и ловко съезжал вниз.

Но больше всего он любил кувыркаться на диване. Сначала Мимус долго, с сосредоточенным видом подпрыгивал на пружинах. Гоп! Гоп! Гоп! Всё выше и выше. Гоп! Гоп! Гоп! Потом начиналось кувыркание через голову. Мимус кувыркался, как «рыжий» на арене. Потом он прыгал через меня.

Возиться с ним было нелегко — в нём было около двенадцати килограммов. Когда он слишком разыгрывался, я говорил:

— Сссс! — и успокаивал его.

Но часто я уставал возиться с обезьяной и звал:

— Ванька-Встанька!

Прибегал карлик. Я говорил:

— Ванька-Встанька, поиграй с Мимусом. Только не обижай обезьянку.

— Что вы, Владимир Леонидович! Разве я кого обижаю?

Мимус и карлик уходят в столовую. Я отдыхаю. И вдруг слышу неистовый крик. Бегу в столовую. Карлик держит одной рукой цепь, а другую руку прижимает к носу.

— Что с тобой, Ванька-Встанька?

— Меня... Мимус... бьёт! — хнычет Ванька-Встанька. — Смотрите, что он сделал!

Он отнимает руку: весь нос у Ваньки в крови!

Только он отнял руку — Мимус протянул свою чёрную мохнатую лапу и как царапнет снова карлика по носу! Карлик заревел.

— Нельзя, Мимус! — крикнул я.

Мимус разозлился и бросился на карлика. Видно, обезьяна не очень боялась его.

Карлик часто прибежал ко мне жаловаться на обезьяну, но Мимус не унывал. У него появился новый друг — Марс. Марс — это большая немецкая овчарка. Вот она входит в зал, приветливо виляя хвостом. Мимус бросается к собаке, и борьба начинается.

Марс очень терпелив. Мимус кидается на спину Марса и старается его повалить. Марс шаловливо слегка покусывает шимпанзе и кладёт его на «обе лопатки». Но Мимус хитёр. Ему не хочется быть побеждённым. Он начинает лукавить: он ловит передние лапы Марса и с силой дёргает их. Марс падает, визжит от боли, но не кусает.

Иногда в борьбе принимает участие барсук Борька. Завидев собаку и обезьяну, Борька превращается в шар. Шерсть его поднимается дыбом. Марс начинает катать этот шар по залу. Мимус ласкает Борьку, заигрывает с ним. А вот крыс моих Мимус невзлюбил. Они почему-то вызывают в нём злобу.

Вот я выпускаю учёных крыс на стол. Представление начинается. Я подношу семечко подсолнуха к крысиной мордочке:

— Финька, перевернись!

«Артистка», махнув длинным хвостом, перевёртывается. Мимус не сводит с нее глаз.

Следующий номер. Семечко-приманка ведёт учёную крысу к мачте с флажком. Затем крыса берёт в лапки верёвочку и начинает её перебирать, как человек. Вдруг мелькает тёмная рука. Это Мимус! Он схватывает «великую артистку» и тащит её в угол.

— Мимус, нельзя!

Не стало Мимуса

Мимус заболел. Он больше не бегает по комнате, не резвится, не шалит. В шерстяной курточке и чулках, жалкий и грустный, часами он лежит без движения на диване.

Лечить Мимуса трудно. Лекарство принимать он не хочет, выслушать его почти невозможно из-за длинной, густой и жёсткой шерсти, а язык показывать он не умеет.

Как его научить показывать язык?

Я сел на диван около Мимуса и показал ему кончик языка. Обезьянка удивлена: это ещё что такое? Я прячу язык. Мимус не сводит глаз с моего рта.

Я встаю, надвигаюсь на Мимуса: делаю вид, будто хочу напугать его

своим языком. Мимус отскакивает.

Так я несколько раз, высовывая язык, пугаю его. Потом я мгновенно застываю, как каменный. Мимус удивлённо смотрит, потом трогает меня, но я не шевелюсь.

Тогда он пробует пугнуть меня и, в свою очередь, высовывает язык. А мне это и надо.

Я вскакиваю, будто страшно боюсь языка Мимуса. Я бегу и приговариваю:

— Покажи язык... покажи язык...

Мимус очень доволен, что я боюсь его языка. Он все время высовывает его, а я в ужасе удираю.

Так я постепенно приучил его показывать язык. Теперь приходи, доктор!

Доктор пришёл. Он осмотрел обезьянку и сказал:

— Шимпанзе в нашем климате долго жить не могут. Вы не можете им создать тот жаркий климат, в котором они родились... Впрочем, дайте ему касторки.

Мы поили его касторкой, мы кутали его в одеяло, его смотрели разные врачи, но, к сожалению, ничего не помогло.

Через две недели Мимуса не стало.

ВОРОНЫ-АРТИСТКИ

В конце апреля я заметил в нашем саду на верхушках деревьев вороньи гнёзда. Вороны с громким карканьем носились по саду. Я целыми часами наблюдал за ними в бинокль. Мне удалось заметить, как ворона кормит своих птенцов. Мать ещё только подлетает к гнезду, а вороненок уже широко разевает клюв и кричит во все горло: «Ка!» Он получает пищу из клюва прямо в горло. Мать клювом пропихивает туда пищу.

Я выпустил в сад обезьянку Гашку. Гашка забралась на дерево, уселась на самой верхушке и стала лакомиться пауками. Она снимала их с листьев.

Тут её заметила ворона: она пролетала мимо Гашки. Через две-три минуты она вернулась с подругами. Вороны покружились вокруг обезьяны, разлетелись в стороны, но скоро вернулись в ещё большем количестве. Они расселись на соседних деревьях, пошумели, покричали, а потом стали подступать к Гашке.

Обезьянка не обращала внимания на наступающих врагов. Она беззаботно прыгала с ветки на ветку, продолжая лакомиться пауками.

Вороны, каркая, то отлетали, то вновь налетали на Гашку. Их стая всё увеличивалась, и чем больше слеталось ворон, тем они становились смелее. Мне кажется, Гашка просто притворялась, что не видит птиц. Вдруг одна из ворон подлетела к обезьянке — и как клюнет её в хвост! За ней — другая. Гашка сообразила, что её положение не из приятных. Я позвал Гашку, и она быстренько спустилась на землю.

На следующий день я вышел в сад с запасом хлеба и мяса. Я стал бросать хлеб и мясо воронам.

«Может быть, они привыкнут ко мне», — думал я.

Ничего не получилось! Стая воробьёв налетела на разбросанный корм и моментально все уничтожила. Как будто я для них накидал!

А через несколько дней я встретил на улице мальчика, который прятал в шапке какую-то птицу.

— Что это у тебя?

— Воронёнок.

— Где ты взял?

— Там, в саду!

— Слушай, — сказал я, — отдай мне птицу, ты ее только замучаешь.

Ведь не сумеешь вырастить!

Мальчик крепко прижал к груди шапку:

— Не отдам!

— Послушай, — продолжал я, — ты не умеешь кормить птенца, и он у тебя умрёт. А я его выкормлю. Ты будешь ко мне ходить и сам научишься ухаживать за птицами.

Он молчал.

— У меня много птиц, — уговаривал я, — и животных. Есть и медведь. И лисы. И волки. Хочешь, я покажу тебе? Только отдай мне птицу. А я тебе за неё дам вот что. — И я показал ему деньги.

Мальчуган взял монету и отдал мне воронёнка. Я повёл мальчика в свой «уголок».

У мальчугана разгорелись глаза. Он долго смотрел на зверей.

Утром, едва только я проснулся, мне говорят:

— Там вас мальчишки дожидаются.

— Какие мальчишки?

— С птицами.

Я вышел в коридор. В прихожей стояли мальчики с воронятами в кулаках и шапках.

— Владимир Леонидович, вы воронят покупаете, вот мы вам принесли!

Я понял: это вчерашний мальчик разнес обо мне такой слух.

Пришлось купить бедных птенцов.

С тех пор ребята с воронятами стали ко мне ходить каждый день.

Я теперь покупал просто из жалости. Я знал: не купишь — мальчишки замучают птенцов. Покупая, я всегда говорил:

— Мне больше не надо, ребята! Не вздумайте разорять гнёзда. Ворона — птица полезная: она истребляет вредных насекомых.

Я старался заинтересовать ребят жизнью животных. Скоро я увидел, что беседы не пропадают даром.

Один раз гурьба мальчиков и девочек притащила ко мне подростка, который разорил гнездо.

— Накажите его, пожалуйста! — кричали ребята. — Скажите ему, чтобы он никогда больше не трогал гнёзда.

Но дома на меня сердились:

— Опять воронёнок! Что ты будешь делать с этими крикунами? Ещё один мучитель не будет давать спать по утрам!

Действительно, мои крикуны мало считались с покоем и сном людей.

Куда девать птенцов? Я устроил их на чердаке. Там я поставил восемнадцать гнёзд.

Рано утром я уже на ногах и лезу на чердак с корзиной корма. Тут у

меня и муравьиные яйца, и белый хлеб в миске с водой, и мелко нарубленное сырое мясо.

Самым маленьким — муравьиные яйца и моченый хлеб; тем, что постарше, — мясо, пропущенное с хлебом через мясорубку.

Воронята широко раскрывают клюв и машут полуголыми крыльшками. Они кричат и тянутся ко мне. Я обхожу ряды крикунов и кидаю им в рот корм. У некоторых воронят пища выскакивает изо рта, и мне приходится пропихивать им мясо пальцем глубоко в горло.

Кормить воронят надо было каждый час. Я привык к ним и даже знал каждого в отдельности.

Много у меня было хлопот с этим кормлением. Мой служащий не мог заменить меня: у него были очень толстые пальцы, и воронятам было очень больно, когда он их кормил.

Недели через две моим воспитанникам уже не надо было пропихивать пищу в горло: они сами хватали мясо из рук и живо проглатывали.

Через несколько дней птенцы покрылись перьями в «колодочках» (перьями, свёрнутыми в трубочки) и стали ещё более жадными.

Потом мне пришлось на время уехать из Москвы. Перед отъездом я сказал своему помощнику:

— Не забывайте воронят на чердаке. Теперь они подросли и сами берут пищу.

Всё же, видно, служитель плохо заботился о птенцах.

Когда я вернулся в «уголок», я застал в живых только семь воронят. Зато это были самые сильные, самые весёлые воронята. Они перелетали с балки на балку, бегали, смешно переваливаясь то направо, то налево.

Воронята уже многое умели: разрывали землю, глотали мелкие камешки, чистили клювом пёрышки и даже сами ловили мух.

Меня они не боялись. Они смело подлетали ко мне, садились на плечи, на голову и вырывали пищу из моих рук.

— Ну, ребята-воронята, — сказал я, — пора приниматься за учёбу.

Я заказал плотнику широкую доску с воротцами. Когда доска была готова, я положил её на две тумбы, а на одной из тумб рассыпал корм. Сначала вороны издали недоверчиво посматривали на эту штуку с воротами. Они забавно наклоняли голову набок и смотрели то одним, то другим глазом. Но мало-помалу они становились смелее. Как бы хвастаясь своей смелостью друг перед дружкой, они подлетали к мясу, хватали его и отлетали.

В два дня мои ученики вполне освоились с новым аппаратом. Они уже бегали по доске — кто в ворота, кто мимо ворот — и быстро поедали

разбросанный на доске корм.

Пришло время посадить ворон в «тюрьму». Я поставил для каждой вороны две клетки. Одну клетку (с вороной) я поместил на одну тумбу, а вторую клетку — на вторую. Между тумбами — доска с воротцами. На перекладину каждых ворот (их было на доске несколько) я клал по кусочку мяса.

Затем открывал дверцу клетки. Ворона выбегала из клетки, вскакивала на перекладину, жадно хватала мясо, проглатывала, прыгала на другие воротца, снова хватала мясо и так добиралась до другой клетки. Там её ждали вода, хлеб, мясо.

На следующий день я стал класть корм не на каждые ворота, а через одни или двое, но моя «артистка» всё равно прыгала, как вчера, и добиралась до конца.

Первый номер с вороной готов.

Вторую ворону я приучил идти не по перекладинам, а в самые ворота.

А третья ворона задавала концерты на колокольчиках.

К верхней перекладине каждых ворот я привесил по колокольчику, а в ушко колокольчика была продета верёвочка с узелком. Сначала ворона дёргала верёвочку за мясо, привязанное к узелку. Раздавался звон. Дёргая верёвочки, она звонила «во все колокола». А потом она уже и без мяса звонила. Колокольчики были подобраны так, что получалось: «Чижик-пыжик, где ты был?»

Остальные четыре вороны тоже не оставались без дела.

Я купил для них в игрушечном магазине маленькую соломенную колясочку. К оглоблям я пристроил мягкое резиновое кольцо и стал учить самую смелую ворону впрягаться в коляску. Это было нелегко. Я заставлял ее брать корм только через колечко. Она всё старалась схватить пищу не через кольцо, но я ей не давал. В конце концов я добился того, что, как только я показывал ей пищу, она вдевала голову в резиновый хомутик.

Через неделю упорного труда моя «ворона», вылезая из клетки, прыгала к коляске — на место между оглоблями — и вдевала голову в хомут. Тут она получала большую порцию вкусного корма.

Начинаем репетицию. Колясочка стоит на доске, клетка с вороной — на тумбе, а корм — у меня в кармане.

Тихий свист.

Открываю клетку. Ворона быстро бежит к коляске и впрягается. Я тотчас же подставляю ей блюдечко с едой и питьём. Ворона хватает кусок за куском, но я отодвигаю блюдечко на четверть метра. Ворона моментально вынимает голову из хомутика и спешит к блюдечку.

Но не тут-то было.

Я убираю блюдечко и не даю ей поесть до тех пор, пока она снова не впряжётся в коляску.

Постепенно, раз за разом, я всё дальше и дальше отодвигаю блюдечко от «вороной лошадки» и тем самым заставляю её двигаться по доске и тащить за собой колясочку.

Самое трудное было сделано.

Но это неинтересно, когда ворона тащит пустую колясочку.

Остальные три вороны тоже не оставались без дела. Одна сидела на «передке» за кучера. Я сделал из ленточки вожжи и приучил ворону-«кучера» дёргать их клювом. А две вороны выполняли самую легкую работу: они были пассажирами. Они спокойно стояли в колясочке. Им только дай побольше корму — их никуда не потянет, будут ехать в коляске хоть тысячу километров!

Однако недолго прожили мои учёные вороны на белом свете.

Раз я зашёл на чердак проведать учениц и ужаснулся: везде валялся пух, перья, краснели пятна крови. А на полу, под окном, лежали растерзанные птицы. В разбитое окно дул ветер...

Вороны и галки любят всё блестящее, а на крыше, как раз под слуховым окном, валялись осколки зеркала.

Вороны, стараясь достать заманчивые блестящие осколки, принялись долбить клювом оконное стекло. Долбили, долбили и продолбили в стекле дыру.

Этим воспользовался соседский кот. Он забрался на чердак через разбитое окно и по-своему расправился с «артистками».

ЖУРАВЛИ-ТАНЦОРЫ И КУРИЦА-БОСОНОЖКА

У меня было четыре журавля. Я заметил: после долгого сидения в клетке журавлям, как и страусам, хочется «поразмять» свои длинные ноги, и, как только я выпускал журок на арену, они начинали махать крыльями, подпрыгивать, топтаться на месте. Очень смешно получалось. Уж на что я привык к смешному в цирке, и то меня всегда разбирал смех, когда я смотрел на прыгающих журок. Они плясали, будто клоуны на ходулях.

Я подумал: «А нельзя ли их научить танцевать так, чтобы было похоже, как люди танцуют?»

Терпеливо, день за днём, я учил длинноногих птиц танцевать. Нельзя было без смеха видеть, как они выделявали разные забавные па.

Я купил клеёнчатый ковёр и положил его на арену. Потом я рассадил журок попарно в двух клетках и поставил клетки на арене друг против друга. Потом одновременно открыл обе клетки, и мои журки, как в первой фигуре кадрили, стали проходить пара через пару. Они проходили взад и вперёд, а потом проделывали «балансе», то есть вертелись. И вот они хорошо научились танцевать. Тогда я их взял с собой на гастроли.

Мы поехали в Кострому. Там на площади мы раскинули парусиновую крышу нашего цирка-шапито. Вдруг налетел ветер с дождём, шапито наше промокло и разорвалось. Пришлось срочно мобилизовать всех портных города. Они торопливо зашивали громадную парусину, а солнце сушило её. Кое-как мы наладили наш цирк.

Я вышел со своими «танцорами» на арену порепетировать. Я разостлал клеёнку, выпустил из клетки журавлей и хотел было им дать перед танцами по кусочку мяса. Вдруг старший журавль поднял голову и посмотрел вверх: сквозь прореху в недошитой парусине голубело небо. Журавль вскрикнул, махнул крыльями, вытянул голову и... взлетел! Не успел я опомниться, как за ним поднялись остальные «танцоры». Шумя крыльями, вытянув длинные ноги, они быстро пролетели сквозь прореху и скрылись из глаз.

Я выбежал на улицу. Собралась публика. Мы смотрели вверх, кричали, звали:

— Журки, журки!

Журки не отвечали.

В публике говорили:

— Вот это станцевали!

— Жалко! Учёные журавли!

— Ну, разве их теперь поймашь!

— И посмотреть, как танцуют, не пришлось.

Жалко было журавлей до невозможности.

Недели через две ко мне явился человек в охотничьем костюме, с ружьем, с ягдташем, набитым птицами.

— Вы Дуров? — спросил он.

— Я. А в чём дело?

— Видите ли, я здешний охотник. Пришёл к вам рассказать о сегодняшней охоте. Может, я вам своим рассказом принесу большое огорчение, прошу не винить.

Я не понимал, к чему клонит свою речь охотник.

— Я охотник, — продолжал незнакомец, — но никогда в жизни не охотился на журавлей и никогда не думал, что мне придется убить эту птицу.

— Журавлей? — переспросил я.

— Да!

Он вынул из ягдташа убитую дичь:

— Вам эта птица знакома?

Я посмотрел на беспомощно висевшее тело с длинной шеей и длинными ногами.

— Журка! — вскричал я. — Где вы его убили?

Охотник вздохнул:

— Да, значит, на самом деле ваш. Шёл я по болоту утром, отсюда далеко, верст за сорок, и вдруг вижу — что за чудо? — на болоте журавли танцуют. И как танцуют! Будто люди! Ну, думаю, значит, я заболел и это мне всё мерещится. Но птицы не пропадали. Всё танцуют и танцуют. Дай, думаю, проверю, фантазия ли это или на самом деле. Я вскинул ружьё, прицелился и выстрелил. И что же? Три журавля улетели, а один остался лежать в траве. Ну, я его и подобрал. А потом я пришёл в город, вижу — на заборе афиша: выступает известный Дуров с танцующими журавлями. Тут я понял, какого журавля убил.

Он замолчал. Я с грустью смотрел на убитого журку. Потом я сказал:

— Вы не проводите меня туда, где вы видели журавлей?

Охотник согласился. Мне хотелось осмотреть болото, где был убит журка...

После журавлей у меня появилась другая замечательная «танцовщица»

— обыкновенная рябенькая курочка. Уроки танцев начались у нас с того, что я приручил её к себе. Она стала смело брать из моих рук корм. Затем, водя около клюва приманкой, я приучил её перевёртываться на одном месте.

Когда курочка усвоила этот приём и научилась «вальсировать», мы перешли к следующему уроку. Я насыпал на стол слой земли и на глазах у курочки закапывал туда кусочки мяса, зерна овса и т. п. Курица лапками разбрасывала землю, стараясь достать пищу. Так я приучил её плясать на столе. Потом я перевёл её на гладкий стол, без земли. Она отлично танцевала под музыку.

У меня был музыкальный ящик. Если его заведёшь, он сам играет. Вот на этот ящик я ставил рябенькую курочку и заводил его. Как только раздавалась музыка, курочка начинала вертеться на одном месте, как бы вальсируя. Музыка прекращалась — и курочка переставала танцевать.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Шамберьер — длинный кнут, употребляемый в цирке или на манеже.